

Р

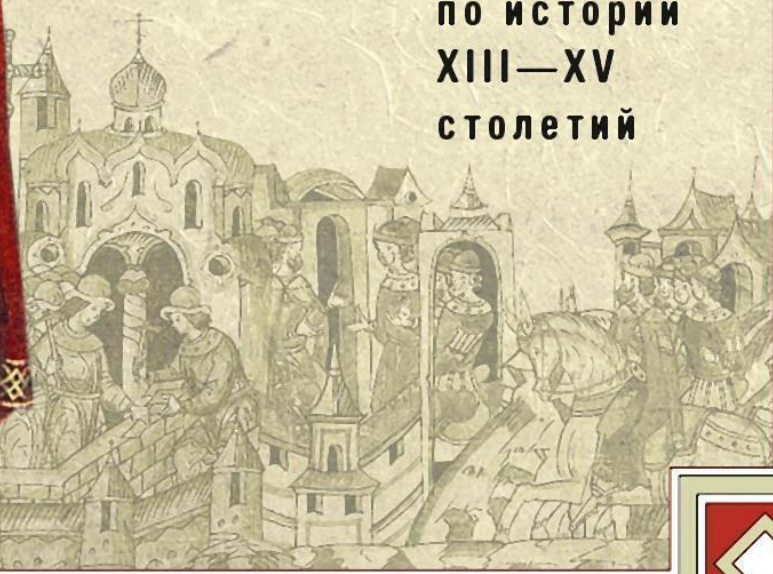
БРАЗОВАНИЕ

ЕЛИКОРУССКОГО

А.Е. ПРЕСНЯКОВ

ОСУДАРСТВА

очерки
по истории
XIII—XV
столетий

Александр Пресняков

**Образование Великорусского
государства. Очерки по истории**

«Центрполиграф»

1918

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

Пресняков А. Е.

Образование Великорусского государства. Очерки по истории /
А. Е. Пресняков — «Центрполиграф», 1918

ISBN 978-5-227-10355-0

Выдающийся российский и советский историк Л.Е. Пресняков (1870-1929) на страницах своей книги исследует внутренний строй Владимирского великого княжества и отношения между удельными князьями, потомками Всеволода Большое Гнездо, описывает борьбу Твери и Москвы за великое княжение «всёя Руси». Профессор Пресняков прослеживает развитие великокняжеской политики Ивана Даниловича Калиты, направленной на сосредоточение власти в руках московского государя, освещает процесс объединения земель Северо-Восточной Руси и становления Великорусского государства. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-227-10355-0

© Пресняков А. Е., 1918
© Центрполиграф, 1918

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
1. Историографические заметки	7
2. Северо-Восточная Русь до татарского нашествия. Ростовско-Суздальская земля в XII–XIII вв.	24
Глава I	38
I	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Евгеньевич Пресняков

Образование Великорусского государства

Очерки по истории XIII–XV столетий

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

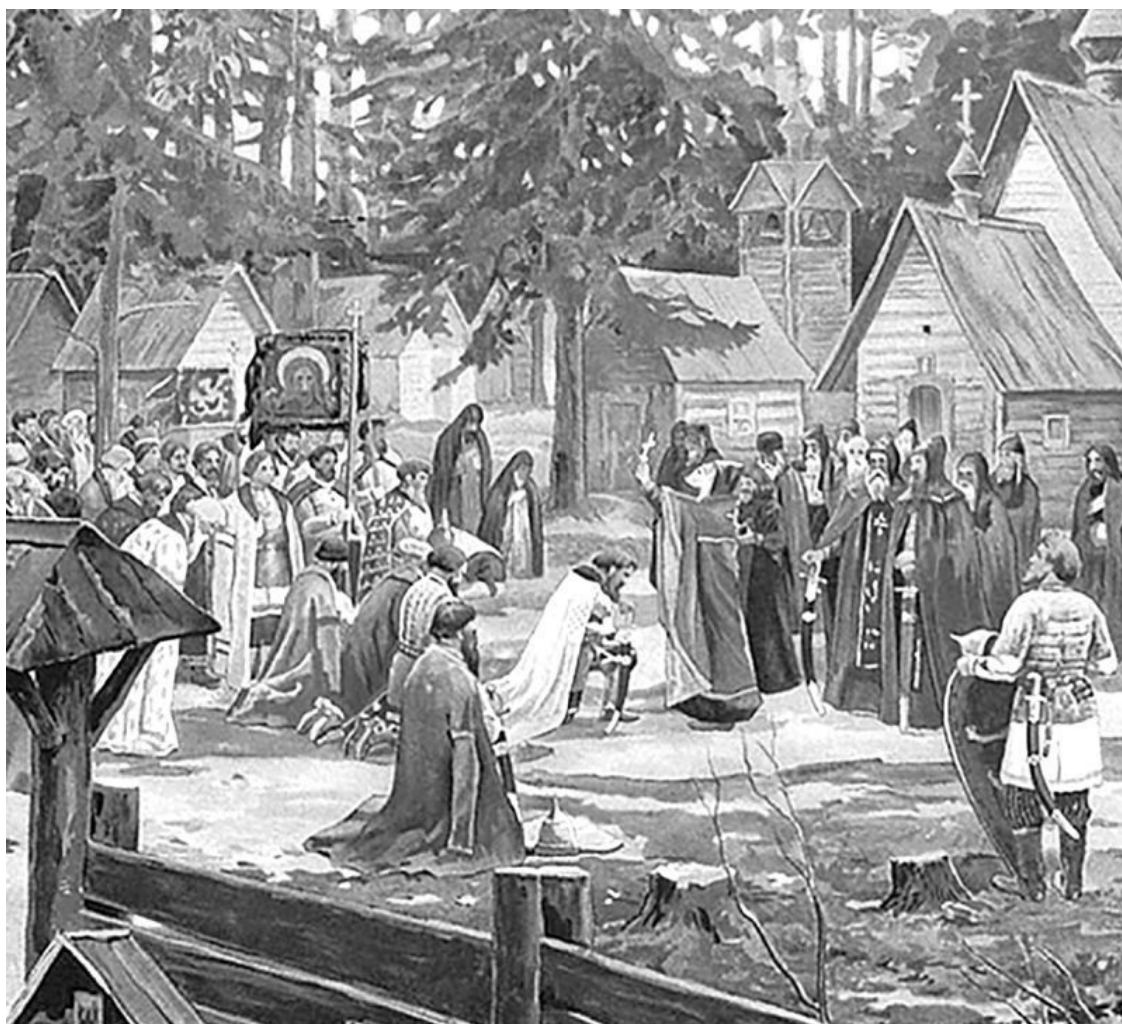
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

* * *

Предисловие

Немного в этой книге нового. Она трактует тему, достаточно избитую, на основании материала давно изданного, общеизвестного. Ее задача – восстановить, по возможности, права источника и факта в представлении об одном из важнейших явлений русской истории – образовании Великорусского государства. Ранняя история Северо-Восточной Руси стала в нашей историографии жертвой теоретического подхода к материалу, который обратил данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, не из них выведенной схемы. Поэтому, с одной стороны, немало этих данных, не подходивших к принятым схемой положениям, осталось вне внимания историков, вне их обобщений, а с другой – широкие обобщения схемы не считались с хронологической последовательностью основных явлений, изучаемой эволюции и разрывали подлинную связь их между собой. Попытка полнее использовать фактический материал при некотором внимании к хронологическому моменту изменила всю историческую перспективу эпохи и представление о характерных ее чертах. На первый план выдвинулась сила «великокняжеской» традиции, иными представились понятия «удела», «вотчинного княжества», иной и вся эволюция междукняжеских отношений. Иначе пришлось подойти и к источникам. Княжие духовные и договорные грамоты раскрывают подлинный свой смысл только при условии изучения каждой в связи с создавшими ее отношениями, а взятые вне исторической обстановки, использованные – притом для ответа на вопросы, каких они в виду не имели, – ведут к ложным выводам, какие им навязаны традиционной историографической схемой. Летописные своды, при безразличном пользовании разными их типами и редакциями, без учета создавших эти типы и редакции тенденций и книжнических точек зрения, не дают всего, что могут дать, и, что существеннее, позволяют предпочесть позднюю и нарочитую переделку текста подлинному, первоначальному историческому свидетельству; так часто и бывало, потому что Никоновская летопись и зависимый от нее текст татищевской «Истории» лучше иллюстрировали принятую схему.

Предлагаемые «очерки» касаются только внешней истории образования Великорусского государства – ее междукняжеских отношений и развития великокняжеской политики. Внутренняя, организационная работа великокняжеской власти осталась вне их задачи, как особо сложная тема, разработка которой и по существу, и по состоянию материала едва ли отделима от углубленного изучения внутреннего строя Московского государства в XVI в., в эпоху, на пороге которой остановилось изложение «очерков». Поэтому они примыкают только к первой половине книги того же автора: «Княжое право в Древней Руси».

Появлением в свет эта книга обязана Археографической комиссии, принявшей ее в состав своей «Летописи занятий». С глубокой признательностью отмечаю ценное личное содействие С. Ф. Платонова и правителя дел комиссии В. Г. Дружинина.

Введение

1. Историографические заметки

В 1904 г. М. С. Грушевский выступил, по поводу предпринятого Императорской Академией наук издания «Славянской энциклопедии», с решительным отрицанием обычной схемы русской истории и сделал попытку поставить по-новому вопрос о рациональном построении истории восточного славянства¹. Под «обычной схемой русской истории» М. С. Грушевский понимает порядок изложения, принятый в «общих курсах» и учебниках русской истории от доисторических судеб Восточной Европы и ее неславянского населения, через расселение славян, образование Киевского государства и его историю до второй половины XII в., к великому княжеству Владимирскому и к истории Московского государства, и, далее, к Российской империи XVIII и XIX вв. В таком изложении история русского юга и запада, земель украинско-русских и белорусских, остается вне кругозора, и лишь довольно внешне и случайно вовлекаются в него отдельные ее моменты, как Галицкое государство Даниила, образование Великого княжества Литовского и его уния с Польшей, церковная уния, казацкие войны, деяния Хмельницкого.

С точки зрения своих этнографических воззрений М. С. Грушевский полагает, что задача «обычной» схемы – построить «общерусскую» историю – невозможна по существу, так как нет никакой «общерусской» народности, а на очереди – иная научная задача – построение, с одной стороны, истории украинского народа², а с другой – истории великорусской. Крайне нерациональным представляется ему соединение в одной схеме древней истории южнорусских племен, то есть Киевского государства, с историей Владимиро-Московской Руси XII–XIV вв. Оно отрывает от южнорусской истории ее начало, чтобы пристегнуть его к северному продолжению. А между тем «киевский период перешел не во владими́ро-моско́вский, а в галицко-во́лыньский XIII в., потом литовско-польский XIV–XVI вв.».

Северо-Восточная Русь не была, по мнению М. С. Грушевского, «ни наследницей, ни преемницей» Руси Киевской, а «выросла на своем корню». Их взаимоотношение М. С. Грушевский готов уподобить отношениям между Римской империей и галльскими провинциями: «Киевское правительство пересадило в великорусские земли формы социально-политического строя, право, культуру, выработанные исторической жизнью Киева» – и только отсюда вывод: «История великорусской народности остается, собственно, без начала; история образования великорусской народности остается до сих пор не выясненной, потому что за ее историей начинают следить с середины XII в.»; не поставленной остается и проблема изучения «рецепции и модификации на великорусской почве киевских социально-политических форм, права, культуры».

Многим из читателей-великороссов точка зрения М. С. Грушевского может показаться парадоксальной, так как разрушает она привычное представление о «единой» истории «единого» русского народа. Однако она вовсе не так исключительна, как может на первый взгляд показаться. Напротив, не будет преувеличением назвать ее во многом характерной и для нашей «великорусской» историографии. Обусловленная у М. С. Грушевского потребностью отграничения украинской истории в ее целом от истории Великороссии, она может опереться на ряд

---

¹ Грушевский М. С. Звичайна схема русскої історії й справа раціонального укладу історії Східного Слов'янства // Статті по славяноведенню. Изд. Второго отделения Импер. Академии наук / Под ред. В. И. Ламанского. Вып. I. СПб., 1904.

² Это М. С. Грушевский блестяще выполнил в своей обширной «Історії України-Руси» и в «Очерке історії українського народу».

выводов и суждений, принятых и разработанных в трудах «общерусской» исторической литературы.

Поучительны историографические судьбы критикуемой М. С. Грушевским «обычной схемы» русской истории. В вопросе о ее генезисе М. С. Грушевский примыкает к выводам П. Н. Милюкова. «Схема эта стара, – говорит он, – она получила свое начало в историографической схеме московских книжников, и в основе ее лежит генеалогическая идея – генеалогия московской династии».

П. Н. Милюкову принадлежит весьма ценное указание на эту «историографическую схему московских книжников» и ее определяющее влияние на изложение русской истории у наших историков XVIII и XIX столетий³. Влияние это усилено одним условием, поистине парадоксальным, которое П. Н. Милюков метко охарактеризовал в таких строках: «Когда в прошлом столетии русская историография начала постепенно осиливать свои источники, – источники эти встретили исследователя со своим, готовым взглядом, сложившимся веками; немудрено, что эта готовая нить, предлагавшаяся самими источниками, вела исследователя по проторенным путям и складывала для него исторические факты в те же ряды, в какие эти факты уложились в свое время в умах современников; таким образом, исследователь воображал делать открытия, осмысливать историю, – а в сущности, он шел на плечах наших философов XV и XVI столетия»⁴. Два обстоятельства ослабили плодотворность этого наблюдения. П. Н. Милюков связал свое изучение московской исторической теории только с вопросом о «происхождении исторической схемы Карамзина и его предшественников» и отметил далеко не все ее элементы, оказавшие глубокое воздействие на представления ученых историков XIX в. о древнерусском прошлом. Труд П. Н. Милюкова остался, к сожалению, не законченным, иначе мы получили бы от него, без сомнения, более полную оценку воздействия московской книжнической историографии на труды не только историков XVIII в. и Карамзина, но и на построения С. М. Соловьева с его продолжателями.

Из элементов этого воздействия, указанных П. Н. Милюковым, наиболее существенным и устойчивым оказалось установление «идеи тождества и наследственной связи московской и киевской государственной власти» как «исторической аксиомы». «Аксиома» эта была использована московской властью во времена Ивана III и Василия Ивановича для обоснования притязаний Москвы на все наследие князей Рюрикова рода: в спорах с литовскими великими князьями московская дипломатия ссылается от имени своих государей на то, что «вся Русская земля, Божьею волею, из старины от наших прародителей наша вотчина» – и Киев, и Смоленск, и Полоцк, и Витебск, и «иные города». Выступая с такими притязаниями, «московские дипломаты поставили русской политике цели, которые удалось осуществить только через два с половиною столетия». Вот в этих-то «политических идеалах московских дипломатов XV в.», в их стремлении так широко определить «задачи будущего», что подобная программа представляется – для их времени – выходящей далеко за пределы достижимого, – П. Н. Милюков видит самый источник воззрения на «наследственную связь» московской и киевской государственной власти. Не буду сейчас останавливаться на выяснении, насколько корни этой «исторической аксиомы» московских книжников XV–XVI вв. глубже и старше, а самое ее «генеалогическое» освещение в духе московских вотчинно-династических притязаний и ее применение в дипломатической переписке – лишь дальнейшее развитие весьма старой традиции.

Пока отмечу лишь те историографические построения, которые были вызваны в нашей научной литературе потребностью наполнить «схему» реальным историческим содержанием, а посвящены были истолкованию периода, «промежуточного» между временами Киевской дер-

---

³ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897 (3-е изд. 1913 г.).

⁴ Там же. С. 158 (3-е изд. С. 177).

жавы Владимира Мономаха и Мономашича Мстислава – и Московским государством Ивана III.

Историография XVIII в., завершенная трудом Карамзина, удовлетворялась в этом отношении осуждением практических последствий дробления власти, следуя и тут, как указано П. Н. Милюковым, рассуждениям грамот Ивана III о вреде многовластия.

Первая научнообразная гипотеза, которая пыталась выяснить органическую связь северно-русской истории с киевским прошлым, предложена М. П. Погодиным. Эта гипотеза отличалась большим формальным достоинством: она строила свое объяснение соотношения двух исторических моментов на глубокой основе этнографического единства переживавшей эти моменты среды – народной массы. Эта знаменитая «погодинская гипотеза» родилась под потрясающим впечатлением от наблюдения лингвистов, что в языке письменных памятников Киевской Руси «не было ничего малороссийского нынешнего». Присоединив к этому наблюдению соображения о том, что былины киевского цикла «поются у нас везде – в Архангельске и Владимире, Костроме и Сибири», но не в Малороссии, Погодин пришел к выводу, что в Киеве издревле жило «великороссийское племя», по крайней мере, что «великороссианами» были поляне – население «Киева с окрестностями», а затем эти «великороссияне» – «с Юрьем Долгоруким, Андреем Боголюбским, переселились на север, в землю Суздальскую»: сюда «ушло» и здесь «размножилось собственно великороссийское племя»⁵.

Погодинская гипотеза, раз принятая, была чревата глубокими последствиями для всего хода исторических исследований. Она давала возможность широко пользоваться данными, которые извлечены из наблюдений над исторической жизнью русского северо-востока в позднейший времена, в XV и XVI вв., для объяснения явлений древнерусской, киевской жизни. Такова, например, «попытка Погодина уяснить родовые княжеские счета счетами местническими»⁶, которая получила столь крупное значение в построениях С. М. Соловьева, И. Е. Забелина, В. О. Ключевского.

Погодинскому домыслу о массовом переселенческом движении населения с киевского юга на северо-восток, как основной причине усиления Ростовско-Суздальской земли при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском, чрезвычайно посчастливилось в нашей историографии. Домысел этот остался в ней прочной предпосылкой в изложении северно-русской истории, давая внешне удобный переход от «киевского» периода к «владимирскому».

⁵ Погодин набросал свои мысли и впечатления в форме письма к И. И. Срезневскому, которое появилось в т. V «Известий» Академии наук (1856) и в т. VII «Исследований, замечаний и лекций о русской истории» (с. 410–442). Дальнейшая разработка истории русского языка и народной поэзии выяснила ненужность гипотезы о массовом переселении «киевских великороссов» для объяснения тех явлений, которые натолкнули на него Погодина. Но гипотеза направлена на установление крупнейшего исторического факта, которое, однако, не опиралось ни на какие собственно исторические данные. Погодин оперировал наивной филологией, отождествляя церковнославянский язык с древнерусским, и настаивал на запустении киевского юга. Вокруг последнего вопроса и завязалась продолжительная полемика. Библиографию всего вопроса см. у М. С. Грушевского в т. I «Історії України-Руси», примеч. 6, и у А. Н. Пыпина в «Истории русской этнографии», т. III. А. А. Спицын посвятил «теории массового переселения приднепровской Руси на север» часть своих «Историко-филологических разысканий» (Журнал Министерства народного просвещения. 1909. Кн. I), где выясняет рядом кратких и метких замечаний поразительную слабость обоснования этой теории, которая продолжает сильно влиять на ходячие представления нашей исторической литературы. А. А. Спицын отвергает все основные предпосылки этой теории: мнение о том, что «в X–XI столетиях русское население Приднестровья было значительным», что «к половине XII века Приднестровье сильно запустело», «что переселение из киевской области направилось, главным образом, на север и лишь отчасти на запад», замечая, по поводу последнего мнения, что «возможность передвижения приднепровского населения на далекий север совершенно недопустима». А. А. Спицын указывает против ссылки на «южнорусские» названия населенных мест, как на след южнорусской колонизации севера, что «это названия правительственные, княжеские, а не народные», а против «весьма изящно построенного» В. О. Ключевским представления о том, как прокладывался «прямоезжий» путь с юго-запада на северо-восток, что «хронология и история прямого пути из Чернигова на север крайне не ясны и опираться на них, как на доказательство чего бы то ни было, совершенно невозможно». Вся эта теория переселения с юга на северо-восток действительно никем не обосновывалась исторически, конечно, потому, что наши источники не дают никаких данных для ее обоснования. А ее походные положения, взятые из истории русского языка и былинной поэзии, должны считаться упрямданными после трудов А. А. Шахматова и В. Ф. Миллера.

⁶ Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 26.

Однако дальнейшая разработка истории Северо-Восточной Руси направилась не на выяснение связи ее с прежней, киевской, а на противоположности между ними. С «переходом» на новую территорию, в новых географических и этнографических условиях русская история начинается как бы сызнова. Такая особенность наших исторических представлений объясняется общепринятым суждением о Северо-Восточной Руси XII в. как о стране «суровой и почти дикой»⁷, где на «почве новой, девственной» возник новый строй отношений с тех пор, как Андрей Боголюбский оборвал традицию связи старейшинства в земле Русской («великого княжения») с золотым столом киевским; «север начинал свою историческую жизнь этим шагом князя своего к новому порядку вещей»⁸. Соловьев представлял себе Северо-Восточную Русь обширной областью, где «возвышался только один город, упоминаемый летописцем еще до прихода варягов», – Ростов Великий, по которому и вся область получила название земли Ростовской. При Яро славе Владимировиче Ростов причислен к области Южного Переяславля, как владение Всеволода Ярославича. А далее: «Скоро начали возникать около него города новые: сын Мономаха, Юрий, особенно прославил себя как строитель неутомимый; таким образом Ростовская область наполнилась городами младшими, среди которых возвышался одинокий Ростов». «Младшие» города «построены и населены князьями; получив от князя свое „бытие“, они необходимо считали себя его собственностью»⁹. В этом характере севернорусских «младших» городов Соловьев видел основное условие развития «нового порядка», который он не считал возможным называть «удельным», по той причине, что видел Русь, разделенную не на «уделы», а на несколько независимых княжеств, из которых каждое имело своего великого князя и своих удельных князей¹⁰; он и считал нужным «исключить названия: удельный период, удельная система из истории княжеских отношений». Замечания эти не получили, однако, признания, так как и сам Соловьев существенной чертой «нового порядка», возникшего на севере, считал именно развитие той формы княжеского владения, которое называл «удельным». «Новые» города «по своему происхождению, смотрели на князя как на господина полновластного, и князь смотрел на них, как на собственность неотъемлемую»; здесь утвердилось понятие собственности, неотъемлемости, отдельности владения, переходящего из рода в род по воле князя-владельца; здесь «собственность господствует над родовыми отношениями, каждый князь смотрит на себя как на отдельного владельца известной области, а не как уже на члена известного рода, известной линии»¹¹. Это владение, уже не стесненное ограничениями родового или семейного права, развившееся, «когда понятия собственности, наследственности владения начали господствовать над понятиями семейными»¹², Соловьев называет удельным, отождествляя удел с «опричниной»: «опричина употребляется иногда в смысле удела, который принадлежит князю в полную отдельную собственность»¹³. Удел – собственность князя, которой он может «располагать произвольно», в частности по завещанию. Несмотря на такой «удельный» характер княжого владения, Соловьев не признает особого «удельного периода», так как видит в падении родовых отношений процесс постепенного торжества «отношений государственных». Как «отдельный владелец известной области», князь стоит во главе своего особого государства. Так, по поводу съезда князей во Владимире в 1296 г. Соловьев замечает:

⁷ Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846. С. 17.

⁸ Соловьев С. М. История России. Кн. I. Стб. 494 (изд. «Общ. пользы»).

⁹ Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. С. 17.

¹⁰ Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. С. VI: «Отношения между великими князьями играют столь же важную роль, как и отношения великих князей к их удельным; след. название удельного периода и удельной системы и здесь также [как и по отношению к Киевской Руси] не верно, потому что не обнимает всех сторон княжеских отношений».

¹¹ Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. С. 19–20.

¹² Там же. С. 21.

¹³ Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. С. 331. Примеч. 3. Говорю «отождествляет», так как, по Соловьеву, всякий удел есть полная, отдельная собственность.

«Этих съездов княжеских нельзя смешивать с прежними съездами родственников: теперь князья являлись не как братья, но как отдельные независимые владельцы»¹⁴. Когда Русь распалась на две части – юго-западную и северо-восточную, а затем, в Северной Руси, «Тверь и Москва стали великими княжениями, Рязань и Нижний Новгород последовали их примеру, явилось несколько особых родов княжеских, особых государств, независимых и враждебных друг другу»; при этом «родовые отношения князей между собою заменились отношениями их, как правителей к своим подданным, когда земля, область, город, привязала к себе князя тесными узами собственности, сделали его оседлым»¹⁵. Идет упорная борьба между этими независимыми владельцами: «Каждое движение князя было опасно для всех, ибо каждое движение было посягательством на чужую собственность». Но теперь на великорусском севере эта борьба более содержательна исторически, чем прежние усобицы: «Дело идет о том – быть государем всей Русской земли или слугой этого государя»¹⁶.

Соловьевская схема русской истории, с одной стороны, узаконила по-своему представление о традиционной магистрали русской истории, идущей из Киева через Владимир в Москву. «Первоначальная сцена русской истории, знаменитая водная дорога из варяг в греки, в конце XII в. оказалась не способной развить из себя крепкие основы государственного быта. Жизненные силы, следуя изначала определенному направлению, отливают от юго-запада к северо-востоку; народонаселение движется в этом направлении – и вместе с ним идет история». Конечно, от Соловьева не скрылось, что «история» не просто ушла с юга, а и там по-своему продолжалась. «Несправедливо, – говорил он, – в научном отношении неверно и односторонне, упускать из виду Юго-Западную Русь после отделения ее от Северо-Восточной, поверхностно только касаться событий ее истории, ее быта», но полагал, что «также несправедливо, также неверно историю Юго-Западной Руси ставить наряду с историей Северо-Восточной»¹⁷. Однако благодаря именно Соловьеву в нашей историографии укоренилось представление, что тот процесс, который им осмыслился как переход родовых отношений в отношения владельческие и государственные, начавшись на киевском юге, разыгрался собственно в Руси Северо-Восточной. Выяснение этого процесса получило одностороннее направление, так как он оказался в зависимости от местных северно-русских условий – по существу, как особенность северно-русской истории. Соловьев видел, что «те же самые понятия о собственности, о преемстве от отца к сыну, о праве завещания» развились и в Южной Руси в эпоху разложения старого киевского государства, но не использовал этих наблюдений для своих историко-социологических обобщений, потому что признал эти явления южнорусской истории каким-то налетом иноземного влияния, хотя и признавал значение «обстоятельств исторических» для их «необходимого утверждения»¹⁸.

Так, с другой стороны, соловьевская схема скорее разрушала, чем углубляла представление об органической исторической связи северно-русской истории с южнокиевской. Южнорусские «родовые» начала, перенесенные на север, попали в условия, где им оставалось только более или менее быстро погибать и разлагаться, по полному их несоответствию отношениям жизни на новине заново колонизируемого полудикого края.

¹⁴ Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. С. 286. В. И. Сергеевич перенес именно это представление на съезды Киевской Руси (Сергеевич В. И. Древности Русского права. Т. II. С. 242).

¹⁵ Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. С. 21.

¹⁶ Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. С. 287 и 281.

¹⁷ Соловьев С. М. История России. Кн. I. Стб. 1343, 1116.

¹⁸ «Те же самые понятия о собственности, о преемстве от отца к сыну, о праве завещания, которые явились к Северо-Восточной Руси изнутри, развились из ее собственного организма, в Галиче были занесены извне, но привились и утвердились необходимо, вследствие обстоятельств исторических» (Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. С. 369).

Схема эта обусловила особую постановку вопроса об «образовании Московского государства». Мысль историка, выясняющего, как родовые отношения сменились государственными, спешит от Киева к Москве. Для «истории России с древнейших времен» важно одно – смена принципов, на которых строилось ее единство. Там в киевскую эпоху «связью между частями государства служило родовое отношение владельца каждой части к владельцам других частей и к самому старшему из них». Тут, на севере, образуется Московское государство на развалинах старого «родового» строя¹⁹. Весь смысл периода, промежуточного между историей Киевской державы и государства Ивана III, в разложении родовых связей и усилении Москвы.

Момент перелома – в деятельности Андрея Боголюбского, который «пренебрег югом» и «начал новый порядок вещей». Младшие князья «ясно понимают, что он хочет переменить прежние родовые отношения на новые, государственные, хочет обращаться с ними не как с равноправными родственниками, но как с подручными, простыми людьми; начинается продолжительная борьба, в которой мало-помалу младшие должны признать новые отношения, должны подчиниться старшему, как подданные – государю». Задача историка – выяснить, как образовались характер и взгляды Андрея – он питомец чуждого южным традициям севера, – а затем следить за борьбой родовых отношений с государственными, вплоть до ее завершения в XVI в. полным торжеством этих последних. К государственному властвованию стремился Андрей и по отношению к боярам: он, по Соловьеву, ясно поставил задачу стремления не только к единодержавию, но и к самовластию, в духе самодержавия XVI в.²⁰, и погиб в столкновении с враждебными силами. Но «переход от значения великого князя, как старшего в роде, зависимого от родичей, к значению государя» осуществился, как скоро он получил «независимость от родичей» и «материальную силу». Первая создана развитием тех самых отношений, которые воспитали на севере Андрея Боголюбского, – «господства владельческих отношений с презрением родовых счетов»; вторая – благоприятными условиями возвышения Москвы. Положительной стороной исторического процесса, пережитого Северной Русью в XIV–XV вв., и осталось одно это «возвышение Москвы»; важнейшей задачей историка будет поэтому выяснение его причин.

Так Соловьев утвердил характерную для всей нашей историографии подмену вопроса об образовании Великорусского государства частным вопросом о «причинах возвышения Москвы», с перечня которых обычно и начинается у нас история Московского государства. Впрочем, сам Соловьев не сделал этого рокового шага, вернее, ограничил его значение рядом широких общих соображений по поводу образования Русского государства. Он признал это явление органическим, то есть таким, где «государства, при самом рождении своем, вследствие племенных и преимущественно географических условий являются уже в тех же почти границах, в каких им предназначено действовать впоследствии; потом наступает для всех государств долгий, тяжкий, болезненный процесс внутреннего возрастания и укрепления, в начале которого государства эти являются, обыкновенно, в видимом разделении; потом это разделение мало-помалу исчезает, уступая место единству: государство образуется». При возникновении Русского государства «страна была громадна, но пустынна; племена редко разбросались на огромных пространствах по рекам; новое государство, пользуясь этим удобством водяных путей во всех направлениях, быстро обхватило племена, быстро наметило громадную для себя область; но эта область по-прежнему оставалась пустынной, данного, кроме почвы, по большей части не было ничего, – нужно было все населить, все устроить, все создать». Настал «долгий, тяжкий, болезненный период внутреннего возрастания, укрепления». Этот период «начал проходить для Руси», когда «образовалось крепкое государственное средоточие»: Северо-Восточная Русь собирается около Москвы. Так намечены в отвлеченной формуле широкие задачи

¹⁹ Соловьев С. М. История России. Кн. I. Стб. 1341–1346.

²⁰ Там же. Стб. 654–655 и 666 (полемика с Кавелиным и Сергеевичем).

исследования, которые могли бы наполнить ее конкретным историческим содержанием: на тему о «внутреннем возрастании и укреплении», его факторах и условиях, о ходе процесса, который привел к образованию обширного и внутренне сплоченного Русского государства. Важно, кажется, отметить, что Соловьев ставил эту задачу, хотя на деле выдвинул на первый план, при изучении собирания Северо-Восточной Руси в одно целое, вопрос о «причинах, почему оно собирается вокруг Москвы», о «препятствиях» и «пособиях», какие встретились московским князьям в их стремлении усилиться, подчинить себе остальных князей, отбить татар и литву, увеличить свою власть над населением²¹.

То, что Соловьев дал в конкретном историческом изложении, было уже его замыслов. В этом можно усмотреть одну из основных причин, почему и у критиков его, и у его продолжателей образование Московского государства оказалось явлением, подходящим не под тот «вид» образования государств, под который он сам его подводил, а под одну из намеченных им разновидностей «образования неорганического», когда государства «составляются наращиванием извне, внешним присоединением частей».

Еще в 1834 г. появилась в «Ученых записках Московского университета»²² статья Н. В. Станкевича «О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III»; студенческая работа Станкевича рассматривалась позднее (Вешняков, Полежаев) как изложение мнений профессора Каченовского. Ссылаясь на Геерена и Гизо, Станкевич берет исходным положением исследования значение централизации, то есть «совокупления в одно неразрывное целое», как «первого момента политической значительности народа», и «преобладания одного города, одной области, одного владельца над другими», как «первого условия внутреннего соединения, централизации». Отсюда важность «постепенного возвышения Москвы», с которым «тесно и неразрывно соединен ход России к политическому существованию». Работа Станкевича наметила остов, обычный перечень причин возвышения Москвы. Москва, «по всей вероятности, существованием своим одолжена югу, как и все города, ее окружающие»; это последнее уже Станкевич доказывает тем, что «множество городов и урочищ Северной России носят одинаковые названия с южными». Затем выдвигается положение, что «Москва не одной личности князей своих одолжена своим возвышением», что «она не есть произведение одной их силы, механически совокупившей разрозненные дотоле области»; прочное господство Москва приобрела потому, что между нею и русскими областями была связь «более естественная, органическая», которая сделала Москву не только властительницей, но и сердцем России. Но далее идет, вместо анализа этой «органической связи», перечень «главных условий» успеха Москвы: географическое положение (центральное положение среди системы северных княжений, приток переселенцев, большая безопасность от врагов); нашествие и господство монголов (отделение от Южной Руси, опустошение Владимирского княжества, покровительство ханов, обогащение данью); пребывание митрополита в Москве (духовный центр и поддержка московской политики духовной властью); характер князей, их политика и внешние отношения²³. Такая постановка вопроса стала традиционной, тем более что переработка соловьевской схемы в трудах К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина лишь укрепила и углубила основания для представления о полном разрушении в Северо-Восточной Руси в XIII–XIV вв. традиции

²¹ Там же. Стб. 1311–1346.

²² Часть пятая.

²³ В 1850 г. историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета предложил для соискания медалей такую тему: «На основании летописей и других исторических источников изложить причины постепенного возвышения государства Московского от начала его до установления единодержавия, с объяснением обстоятельств, содействовавших перевесу его над окрестными княжествами и с критическим разбором мнения Карамзина и других писателей по этому предмету». Удостоенная награды работа студента Вл. Вешнякова (О причинах возвышения Московского княжества. СПб., 1851) и посвящена решению вопроса «о причинах возвышения и перевеса над другими княжествами княжества Московского», выдвигая на первый план деятельность московских князей.

политического единства и о возникновении его заново путем разрастания силы и владений московских князей.

С. М. Соловьев потому отрицал научную пользу выделения в истории Древней Руси особого «удельного» периода, что существенной признал для нее лишь смену двух систем политического объединения: родового строя между княжеских отношений в Киевской Руси, которая не знала «отдельных» владений, и государственных отношений, которыми власть московских государей сковала Русь Северную в единое политическое целое: распад Руси на две части – Северную и Юго-Западную, разделение первой на ряд независимых великих княжеств, дробление земель ее на «уделы», владельческие опричнины, – все это оказалось только внешними моментами, непригодными для построения содержательной схемы русского исторического процесса.

Иначе взглянули на этот вопрос историки-юристы. К. Д. Кавелин придал моменту «отдельного владения» особое значение, признав господство «вотчинных начал» в устройстве и управлении княжеств существенной чертой строя русской политической и правовой жизни XII–XV вв., притом достаточно яркой и широкой для того, чтобы сыграть определяющую роль в периодизации русского исторического процесса. Признавая, подобно Соловьеву, что «государственный, политический элемент один сосредоточивает в себе весь интерес и всю жизнь Древней Руси», Кавелин находит, что «история наших князей представляет совершенно естественное перерождение кровного быта в юридический и гражданский». Разложение родового строя междукняжеских отношений – древнейшей формы русского политического быта – ведет к торжеству «вотчинного, семейного начала», при котором возникает мысль, что «княжеская вотчина – наследственная собственность, которой владелец может распорядиться безусловно», а когда эта мысль окрепла, то «территориальные, владельческие интересы» взяли над кровными и родственными. Их окончательная победа осуществляется с уничтожением «уделов» и объединением Северной Руси в Московское государство. Соловьевскому домыслу о значении колонизации и «новых городов» для разрушения родового строя Кавелин противопоставил утверждение, что «никаких сильных переворотов в составе нашего отечества не происходило», а «все изменения, происшедшие постепенно в политическом быту России, развились органически из самого патриархального, родового быта». В знаменитых статьях своих Кавелин дал стройную схему этого органического развития, логичная «органичность» которой, однако, прорезана признанием за Андреем Боголюбским исключительного значения: благодаря особенностям воспитания князя Андрея на севере в «этом замечательном историческом лице впервые воплощается в государственном быте древней России новый тип – тип вотчинника, господина, неограниченного владельца своих имений, тип, который еще определеннее высказывается потом в его брате и преемнике, Всеволоде Георгиевиче, и развивается окончательно в Москве». Воплощение этого типа в его окончательном развитии Кавелин усматривает в Иване Калите и его преемниках, главная задача которых «умножить число своих имений», а великокняжеское достоинство – «лучшее средство для этой цели»; к ней идут столь успешно, что «быстро обращалась Россия в их наследственную вотчину». На этом пути разрушаются кровные связи – родовые в пользу семейных, семейные – в пользу личности – властного владельца земли, который отрицает их во имя идеи, «и эта идея – государство»²⁴.

Б. Н. Чичерин, опять-таки с точки зрения, что «существенное значение нашей истории состоит в развитии государства», на вопрос «Когда возникло Русское государство?» дал ответ, исходящий из общего положения, что «нераздельность общества, территории и верховной власти, одним словом, единодержавие составляет первое и главное условие государственного быта». Понятно, что мы можем в таком случае говорить о государстве лишь с той поры, когда «устанавливается единодержавие в московской земле». Что касается «юридической

²⁴ Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. I.

формы» Руси до XV в., то ее надо принять за «гражданское общество», а не за государство. Все отношения в ней построены на началах не государственного, а частного права: на собственности и свободном договоре. Родовой быт, как основа всего общественного организма, господствовал у нас до пришествия варягов; господство это и самое «общественное» значение родовых отношений разрушены водворением на Руси власти варяжских князей, и в Киевской Руси все отношения определяются сосуществованием двух начал, двух форм частного права – собственности и свободного договора, которые «существовали рядом, не исключая друг друга, но приходя в постоянные столкновения, ибо, в сущности, они друг другу противоречили». Ход древнерусской истории представлялся Чичерину в таких существенных чертах: «Южная Россия не сумела разрешить этого внутреннего противоречия жизни, вследствие чего она осуждена была на бессилие. Оно разрешилось на севере, где оба начала разделились и стали основой каждое для отдельной формы гражданского быта. В Новгороде и Пскове развилась вольная община; в остальных же областях образовалось чисто вотчинное управление. Но вольная община исчезла у нас, не оставив по себе следа; Русское государство, так же как все другие европейские державы, образовалось из вотчинного элемента, ибо вотчинное право имело в себе гораздо более крепости, нежели свободный договор». Эпоха родового быта, господства кровных связей, как единственной организующей общество силы, отнесена Чичериным ко времени докняжескому, доисторическому. «Средняя эпоха» между той, первобытной, и образованием Московского государства «имеет свои жизненные начала», свою «систему общежития, основанную на частном праве». Отличия Киевской и Северо-Восточной Руси, строя жизни IX–XI и XII–XV вв. не имеют принципиального значения: вотчинное начало водворилось в русской жизни с варяжским завоеванием, в котором источник воззрения, что княжение – вотчинная собственность князя и вся земля принадлежит князю. «Все различие между первым временем и последующим состояло в том, что, пока сохранялось понятие о единстве княжеского рода, земля считалась принадлежностью целого рода, впоследствии же линии распались, и каждый князь стал считать себя полным хозяином и владельцем своего участка»; «по мере того, как затемнялась мысль об общем родстве, уничтожалось и понятие о единстве владения, о повиновении одного князя другому». Страна распадается на ряд обособленных владений. «Князья московские, рязанские, тверские договариваются между собою, как совершенно самостоятельные владельцы. Каждый князь стремится увеличить свой удел на счет других, и это он делает не с государственною целью, а ввиду увеличения собственности, умножения доходов». Усиление Москвы, соорудившей на владельческой основе здание единого державного господства над Северной Русью, создало Русское государство. А раз существенное значение нашей истории «состоит в развитии государства», то эта история, в настоящем смысле слова, и начинается с возвышения Москвы. Опираясь на историко-социологические размышления Гизо, Чичерин полагал, что «все народные элементы в Средние века мы должны признать за выражение слабости или дикой силы». Напротив, «первое возникновение разумной силы является в князьях-вотчинниках, которых раздробленные стремления впоследствии покорились единому центру, постепенно собравшему вокруг себя все разнообразные элементы, из которых сложилось Русское государство»²⁵.

Некоторое, и притом весьма существенное, расширение задач и данных для изучения исторического процесса, приведшего к образованию Московского государства, находим в трудах В. И. Сергеевича. Изучая вопрос «как и из чего образовалась территория Московского государства?», Сергеевич обработал в блестящем историческом очерке «историю Ростовской волости»; очерк этот, несколько сжатый, вошел в отдел «Древностей русского права», посвященный «государственной территории». Эту тему этот выдвигал политическую роль и особые

²⁵ Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858 (статьи «Еще о сельской общине» и «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей»).

политические тенденции северно-русского боярства, подготавливая развитие мысли, высказанной В. И. Сергеевичем еще в 1867 г. в «тезисах» для магистерского диспута: «Московское государство есть создание вольных бояр и слуг». Наблюдения Сергеевича над ролью бояр в политических судьбах Великороссии выводят вопрос об условиях образования Московского государства за рамки традиционной схемы, которая, по существу, сводила изучение этого процесса к описанию работы московских князей над «возвышением» Москвы и оценке условий, содействовавших ее успехам.

В. И. Сергеевич останавливается с особым ударением на «первенствующей деятельности ростовских бояр» в борьбе, которая разыгралась по убиению Андрея Боголюбского; усилия боярства двух старых городов – Ростова и Суздаля – направлены на поддержку «единства Ростовской волости», которое разбивалось «личными интересами князей». Осторожно оговаривая, что вовсе не желает «навязывать Добрыне Долгому с товарищами дальновидных политических планов», Сергеевич признает, что «будет, однако, односторонне объяснять стремления лучших людей Ростовской волости к единству одними их эгоистическими побуждениями: невыгоды многокняжия с неизбежным его последствием – борьбою князей – были так очевидны, что лучшие люди могли желать единства волости и для блага земли». Их тенденциями проникся князь Константин Всеволодович, посаженный отцом в Ростове: «Константин не смотрит на владения отца, как на частную собственность, которую хозяин может дробить по усмотрению; ему присуща мысль о неделимом политическом целом». Так «выгоды единовластия сознавались чуть не за сто лет до Ивана [Калиты] ростовскими боярами и настойчиво проводились ими в жизнь». От них пошла традиция, сохранившаяся среди московского боярства, в котором «большинство должно было состоять из бояр великого княжения Владимирского». Бояре «естественные сторонники объединительной политики»: «очевидно, среди них живет еще старая идея о целостности Ростовско-Владимирской волости, и вот они начинают восстанавливать старые границы этой волости, то прогоняя наследственных князей, то приводя их в зависимость от великого князя»²⁶.

В. И. Сергеевич не поставил этих ценных наблюдений ни в какую связь с традициями киевского старейшинства. Установление такой связи противоречило бы его общему учению о древнерусском политическом быте, которого правовой формой был «волоостной порядок государственного устройства» – сосуществование множества «небольших государств», волостей-княжений. В отличие от Чичерина, междукняжеские отношения для Сергеевича явление не частного, гражданского, а скорее международного права: княжеские съезды – съезды независимых государей, договоры князей – договоры суверенных владетелей²⁷. Этот «волоостной порядок» – древнее той эпохи, о какой свидетельствуют древнейшие из исторических источников. Рассматривая деятельность русских князей от Рюрика до Дмитрия Донского, Сергеевич настаивает на полном господстве «политической самостоятельности волостей», при которой «до второй половины XIV в. у князей вовсе не замечается стремления к образованию большого нераздельного государства, которое выходило бы за пределы волостного устройства»²⁸. «Первое, но чисто внешнее объединение» получили северо-восточные княжения в подчинении их власти татарского хана. И татары «в противность собственным своим интересам явились проводниками начала объединения Русской земли под главенством великого князя Владимирского»²⁹. «Первая ясная мысль об образовании из нескольких волостей неделимого целого появляется только у московских князей». Но и у них не очень рано: первый проблеск этой мысли Сергеевич видит в завещании Дмитрия Донского.

²⁶ Сергеевич В. И. Древности Русского права. Изд. 3-е. Т. I. С. 20–70.

²⁷ Там же. Т. II. С. 242.

²⁸ Там же. Т. I. С. 40–41.

²⁹ Там же. Т. II. С. 252.

На таком общем фоне русской политической истории ростовские бояре и их преемники, великокняжеские бояре Владимира и Москвы, выступают как-то неожиданно и непонятно. В пояснение, что же сделало их не только «естественными сторонниками объединительной политики», но и ее носителями, вопреки тенденциям политики князей, Сергеевич, допустив мимоходом, и то лишь по отношению к ростовским боярам, возможность иных мотивов, определенно подчеркивает только «личные интересы» бояр, их стремление к «богатым кормлениям», которых тем больше, чем меньше князей³⁰. Намек на более существенное и содержательное объяснение дан только в двукратном упоминании о «единстве» и «целости» Ростовской земли. В разборе «Древностей» Сергеевича Ф. В. Тарановский справедливо отметил, что «автор не дает нам достаточных объяснений по поводу того, каким образом традиция единства старой Ростово-Владимирской волости превратилась у бояр в стремление объединить эту и другие земли под властью новообразовавшегося Московского княжества», не выясняет причин, которые «повернули интересы бояр от целостности волостной старины в сторону образования более крупного политического объединения» и вызвали то «превращение выдвинутой боярами политики государственного единства в потребность народа», которое констатирует В. И. Сергеевич³¹.

Но Сергеевич не дает и объяснения, откуда взялись «объединительные» тенденции северно-русского боярства, а без того невозможно выяснение исторического смысла и значения «столетнего опыта и столетних преданий», которые, по Сергеевичу, воспитали Ивана III. Организатор Московского государства опирался на «вековую практику великокняжеских бояр и собственных предков, которая должна была стать в старшей линии Дмитрия Донского семейным преданием»³²; нельзя не пожалеть, что сам В. И. Сергеевич не разработал в высшей степени ценных замечаний своих о боярской политике, так как в них — указание на плодотворный путь выяснения условий, приведших к созданию Московского государства.

С точки зрения «древностей права» Сергеевич возвращается к различению в истории России до Петра Великого тех же двух периодов, какие наметил С. М. Соловьев. Согласно Чичерину, он признает, что «отличительная черта первого периода состоит в преобладании частной, личной воли и, соответственно этому, в относительной слабости начала общего, государственного»; этот период «имеет свое наиболее полное выражение в княжеской России». «Второй период, в противоположность первому, отличается преобладанием целого, естественные требования которого не были, да и не могли быть достаточно оценены и признаны в первом»; этот период «ясно обозначился в московской России». «Столетия XIV и XV составляют широкую границу этих двух периодов», это «время, когда характеристические черты второго периода получили уже такую силу, что окончательное торжество новых начал может уже бы предусматриваемо»³³. Соответственно тому, в позднейших изданиях «Лекций и исследований» отдел о «верховой власти» состоит из характеристики власти князя в «удельное»

³⁰ Там же. Т. I. С. 29 и 69. Тот же мотив еще в тезисах 1867 г. «Влияние высших классов населения на общественные дела продолжает обнаруживаться при посредстве права свободного отъезда, благодаря которому вольные бояре, дети боярские и слуги группировались около того князя, который наиболее удовлетворял их желаниям. Московское государство есть создание вольных бояр и слуг».

³¹ Тарановский Ф. В. Отзыв о сочинении В. И. Сергеевича «Древности Русского права» (Юрьев, 1911. С. 21). Профессор Тарановский указывает, что Сергеевич не выяснил, как согласить уход князей из старых городов, где их стесняло участие бояр во власти, в новые города, явление, которому Сергеевич, вслед за Соловьевым, придал большое значение, с тем что «в столь новом центре, как Москва, князьям пришлось опять восчувствовать боярскую руку, которая обуздывала их семейно-патримониальные стремления и указывала им путь чисто государственной политики». Сам Ф. В. Тарановский полагает, что «эти причины могут быть выяснены и выясняются в порядке изучения хозяйственного развития и объединения волостей, вошедших затем в единую державу московских государей».

³² Сергеевич В. И. Древности Русского права. Т. I. С. 77.

³³ Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 43–60 («Деление истории русского права на периоды»),

время и статьи о «власти Московских государей»³⁴, причем первая выступает лишь в эпоху ее сосуществования с вечем, а характеристика строя междукняжеских отношений в XIV и XV вв. выделена в состав «Древностей» русского права, без признания за княжеской властью этого времени свойств, принципиально существенных для науки истории русского права³⁵. Разумея под «уделом» княжеское владение самостоятельной волостью (небольшим, но суверенным государством), В. И. Сергеевич признает первыми «удельными» князьями сыновей Святослава Игоревича и, в отличие от Соловьева, не видит существенного различия между «удельными» владениями и «великими княжениями» Северной Руси³⁶. В отличие от Чичерина, Сергеевич не подводит отношений Древней Руси под понятие «частноправовых», усматривая лишь «порядок частного наследования» и вообще «взгляд на княжение как на частную собственность князя» – в княжеской среде; в завещании Симеона Гордого – момент, когда «в Московском княжении исчезла всякая государственная идея», а с Дмитрия Донского начинается нарастание нового, государственного начала³⁷.

Историко-догматические обобщения Чичерина и Сергеевича лишь по видимости и способу изложения упраздняли различие южнорусского, киевского и северно-русского, владимиро-московского периодов русского исторического процесса. Их историко-правовые рассуждения оперируют над той же схемой, ведущей от Киева через Суздальщину к Москве, причем отношения, господствовавшие в Северо-Восточной Руси в XIV и XV вв., перенесены на Киевскую Русь и рассматриваются, особенно в трудах Сергеевича, как принципиально тождественные тем, какими определялся политический быт Южной Руси в предыдущую эпоху. За этими веками остается в общей схеме русской истории место переходной эпохи, лишенной сколь-нибудь характерной физиономии с точки зрения смены правовых форм властвования князей и общественного строя. Построения В. И. Сергеевича и не могли поэтому внести много нового в общее представление об условиях образования Московского государства, если не считать указанных выше его замечаний о роли боярства, которые, однако, не повлияли на общую концепцию правовых основ политического быта этой эпохи.

Историки пошли, естественно, по следам Соловьева и Кавелина, сглаживая в эклектических концепциях различия воззрений этих ученых. Характерна в этом отношении небольшая работа П. В. Полежаева «Московское княжество в I половине XIV в.», появившаяся в 1878 г. В общем понимании древнерусской политической истории Полежаев – под влиянием Чичерина и Сергеевича. «До XIV столетия, – говорит он, – общественная жизнь славянских, варяго-русских княжеств проявилась лишь только преследованием сохранения тех начал, которые легли при самом образовании княжеств как самостоятельных единиц, а между тем эти начала, по самой природе своей, не могли, да и не способны были выработать силы, достаточной для органического развития государственных элементов. Необходим был поворот к более жизненному началу, и этот поворот совершился развитием Москвы». Для XIV–XV вв. Полежаев держится представления об особом «вотчинном» периоде, характерно сводя его содержание к «развитию Москвы»: Москва – вотчинный город, выросший из вотчинного села; с образованием Московского княжества «вечевой» период сменяется «вотчинным» или «московско-вотчинным» (до Ивана III); первая половина XIV в., когда «все сохранившиеся исторические памятники не представляют ни малейших следов государственного начала», это время, когда «совершалось развитие вотчинной власти князя». Признавая и Владимир городом вечевым, Полежаев в происхождении Москвы из поселения на «вотчинной земле» видит «исключительное обстоятельство», благодаря которому «в Москве впервые явилась идея самодержавия в виде вотчинной

³⁴ Там же. Изд. 3-е. СПб., 1903. С. 130 и 144.

³⁵ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. II. Кн. четвертая.

³⁶ Сергеевич В. И. Древности. Т. I. С. 15; *Он же*. Лекции и исследования. Изд. 3-е. С. 102.

³⁷ Сергеевич В. И. Древности. Т. I. С. 57–70.

власти князя». История Москвы до смерти Симеона Ивановича выясняет, как создалось княжество, «выработавшее в себе те жизненные силы, которые в дальнейшем развитии своем привели к государственному строю». Для Полежаева с первой половины XIV в. «история этого княжества становится историей России». Основной задачей историка является поэтому выяснение причин возвышения Москвы, ответ на вопрос: «Почему именно Москве, а не другому какому-либо княжеству выпала счастливая доля сделаться фокусом всех русских интересов?»

Такая постановка вопроса об условиях, определивших образование Великорусского государства, окрепла в прочную историографическую традицию, стала своего рода «аксиомой» в построении русской истории. В. О. Ключевский явился и в «Боярской думе», и в «Курсе русской истории» «как бы вторым творцом научных теорий, высказанных до него»: в истолковании политического строя Киевской Руси «принял установленную Соловьевым схему и только позаботился о том, чтобы дать ей иное обоснование». Учение об «очередном порядке княжеского владения в Киевской Руси»; «учение о колонизации северной верхневолжской Руси, как основе нового политического порядка, установившегося в этой Руси и подготовившего Московское государство»; теория «удельного» владения и объяснение возвышения Москвы, ставшей зерном Русского государства – у Ключевского дальнейшее развитие и видоизменение выводов Соловьева и Чичерина. Конечно, Ключевский «сумел вложить в рецептированные схемы столько нового понимания и содержания, что в его интерпретации знакомые построения и факты приобретали совершенно новый смысл и как бы перерождались». «Отвлеченные и сухие очертания этих „схем“ наполнились живым бытовым содержанием, обросли деталями социальных отношений, топографической обстановки, экономического уклада, психического строя, приобрели достоинство и конкретную силу художественного воспроизведения изучаемой эпохи в наглядных образах»³⁸. Однако новое содержание уложилось в тех же основных очертаниях, к ним приноровленное, хотя они не из него сложились. При этом особенности традиционной схемы и ее внутреннее противоречие – с одной стороны, утверждение преемственной связи исторической жизни севера с киевским югом, с другой – выяснение их резкой противоположности и самостоятельных корней северно-русского исторического процесса – выступили тем более отчетливо и решительно.

В представлении Ключевского, Ростовская земля – это «край, который лежал вне старой коренной Руси и в XII в. был более инородческим, чем русским краем»: «Здесь в XI и XII вв. жили три финских племени – мурома, меря и весь». Смещение с ними русских переселенцев создает великорусское племя. Когда «население центральной среднеленинградской полосы, служившее основой первоначальной русской народности, разошлось в противоположные стороны», произошел «разрыв» этой, первоначальной, народности, причем «широкое, медленное и рассеянное движение» переносило в течение XII–XIV вв. массы населения из юго-западной полосы Руси на северо-восток. Эти «массы» переселенцев с юга выступают у Ключевского основным колонизационным материалом, которым питается рост Северо-Восточной Руси; их тип, характер, строй быта перерабатываются, путем смешения с местными инородцами и под влиянием новых географических и экономических условий, до решительной противоположности прежнему, южному. Первый крупный момент этой колонизации – тот, когда «переселенцы сгущались в треугольник между Окой и Верхней Волгой»: это «время образования и возвышения Владимирского края, возникновения в нем первых уделов, время возрастания и ее первых политических успехов». Тут слагается новая народность, возникает иной уклад социально-политических отношений, начинается новая историческая жизнь. Ее *первая* политическая форма – княжеский удел, отождествляемый и Ключевским с «опричниной» как

³⁸ Ср. «В. О. Ключевский; характеристики и воспоминания». М., 1912, изд. Научного слова, статьи М. М. Богословского («В. О. Ключевский как ученый»), М. К. Любавского («Соловьев и Ключевский»), Б. И. Сыромятникова («В. О. Ключевский и Б. Н. Чичерин»), П. Н. Милюкова («В. О. Ключевский»).

«удельным гнездом» княжеской семьи. Удел выступает перед нами только в XIV–XV вв., но на образовании уделов этого позднейшего времени «можно наблюдать продолжение или даже конец того процесса, начало которого, менее для нас открытое, создало *первые* уделы в Северной Руси»³⁹. Характерны для «так называемого удельного порядка» новый владельческий тип – князя-вотчинника и новый общественный тип – боярина, служилого землевладельца. Само это «княжеское удельное владение» приняло черты «простого частного землевладения», боярского; а в частности, «теперь уделы вообще наследуются по завещанию, передаются по личному усмотрению завещателя, а не по какой-либо установленной очереди»; удельное управление «довольно точная копия устройства древнерусской боярской вотчины». Притом как и сама великорусская народность создана не «продолжавшимся развитием старых областных особенностей», а выросла новообразованием из девственной почвы верхневолжской Руси, так и «удельный» порядок сложился в зависимости от местных географических и этнографических условий и в прямом разрыве со всякой прежней традицией.

Изучая разнообразные последствия русской колонизации верхнего Поволжья, «мы изучаем самые ранние и глубокие основы государственного порядка, который предстанет перед нами в следующем периоде», то есть в Московском государстве. Правда, В. О. Ключевский называет «удельный» порядок «переходной политической формой», но мы едва ли верно поймем его мысль, если придадим этому термину смысл эволюционного момента. «Государство, по мысли Ключевского, национальное Русское государство вышло из этого удельного порядка XIV в., а не из прежнего, но не потому, что прежний порядок был более далек от национально-государственного, чем удельный XIV в.: сами по себе оба имели мало того, из чего складывается народное государство, и последний даже меньше имел этого, чем первый. Оба они должны были разрушиться, чтобы могло создаться такое государство; но последний гораздо легче было разрушить, чем первый, – *и только поэтому*»⁴⁰ одно из удельных княжеств, вотчина Даниловичей, стало зерном народного Русского государства»⁴¹.

В переработке В. О. Ключевского традиционная схема русской истории распадается на части. Исторические периоды как бы теряют свою методологическую условность. Каждый из них приобретает такую внутреннюю законченность и так решительно отграничивается от последующего, что связан с ним лишь весьма слабой эволюционной связью. Решителен перелом между Киевской и удельной Русью. И. Е. Забелин мог бы найти у Ключевского оправдание своей формулы, по которой в Суздальщине и Москве – «корень развития северной истории», а в Киеве – «корень, из которого развилась южная история». В. О. Ключевский говорит даже не о «модификации на великорусской почве киевских социально-политических форм, права, культуры», как М. С. Грушевский, а только об упадке «политических, экономических и церковных связей прежнего времени» и выясняет, с необычайной конкретностью, как выросли из местных условий верхневолжской почвы новые общественно-исторические формы жизни, типы, отношения⁴².

Почти столь же решительна в изложении В. О. Ключевского антитеза удельного периода – московскому.

Его общая схема ранней истории Северной Руси складывается из двух противоположных процессов: один – «дробил эту Русь на княжеские вотчины в потомстве Всеволода III»; другой

³⁹ Ключевский В. О. Боярская дума. С. 87 (курсивы мои. – А. П.).

⁴⁰ Курсив мой. – А. П.

⁴¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. I, лекция XX «Боярская дума». Гл. III–IV.

⁴² Четкие и яркие характеристики целых исторических периодов, построенные на сильно подчеркнутых антитезах, – одно из свойств художественного изложения в курсе В. О. Ключевского; оно привело к тому, что П. Н. Милоков назвал «драматизацией хода русской исторической эволюции». Но в нашей историографии эти характеристики – литературно-художественные – завоевали себе значение научных концепций, сильно влияя на понимание русской истории вообще и ряда отдельных ее явлений.

– создан усилиями «одной ветви этого потомства», которой «пришлось начать обратное дело, собирать эти дробившиеся части в нечто целое: Москва стала центром образовавшегося этим путем государства».

Так и у Ключевского, анализ условий, вызвавших образование Московского государства, сводится к изучению «политических и национальных успехов московских князей». Быстрое усиление Москвы остановило процесс дробления Северо-Восточной Руси и собрало «дробившиеся части в нечто целое». Первый вопрос в изучении этого процесса – об источниках той московской силы, которая его создала, разрешается указанием на два «первоначальных условия быстрого роста Московского княжества», на географическое положение Москвы и генеалогическое положение ее князя. Историческая схема вела к необходимости найти в самом городе Москве и его крае – средоточие и источник сил и средств, развернутых затем в деле расширения территории и подчинения других князей. Рассмотрение выгод ее географического положения освобождает историка от «загадочности первых успехов города Москвы», так как вскрывает «таинственные исторические силы, работавшие над подготовкой успехов Московского княжества с первых минут его существования». Тут на первом плане «экономические условия, питавшие рост города»: Москва пункт пересечения двух скрещивавшихся движений: переселенческого на северо-восток и торгово-транзитного на юго-восток. Судя по позднейшим родословным преданиям боярских фамилий, с конца XIII в. в Москву «со всех сторон собираются знатные служилые люди – из Муром, из Нижнего, Ростова, Смоленска, Чернигова, даже из Киева и из Волыни». Эти предания, по Ключевскому, лишь отразили в себе общее движение населения: «знатные люди шли по течению народной массы» и «в Москву, как в центральный водоем, со всех краев Русской земли, угрожаемых внешними врагами, стекались народные силы благодаря ее географическому положению». Анализ внешних условий положения Великороссии в XIV в. и утверждение, что мощный прилив населения с юга сделал из Москвы ее «этнографический центр», освещает одну из основных причин «сравнительно более ранней и густой населенности московского края», которой Москва обязана одним из важнейших условий своих загадочных первых успехов: первые волны этого прилива народных сил к Москве – в переселенческом движении из Днепровской Руси; колонисты с юго-запада, перевалив за Угру, попадали, прежде всего, в московский край, и «здесь, следовательно, они осаживались наибольшими массами». Скопление населения доставляло московскому князю существенные экономические выгоды, так как «увеличивало количество плательщиков прямых податей». С другой стороны, то же географическое положение благоприятствовало ранним промышленным успехам Москвы:

«Развитие торгового транспортного движения по реке Москве оживляло промышленность края, втягивало его в это торговое движение и обогащало казну местного князя торговыми пошлинами». Экономические последствия географического положения Москвы давали великому князю обильные материальные средства, а его генеалогическое положение в ряду потомков Всеволода III – «указывало» ему, как всего выгоднее пустить их в оборот. Представитель одной из младших линий Всеволодова потомства, он «не мог питать надежды дожить до старшинства и по очереди занять старший великокняжеский стол», оказывался «наиболее бесправным князем среди родичей». Обездоленный князь, «не имея опоры в обычаях и преданиях старины», вырабатывает «своеобразную политику»: московские князья «раньше и решительнее других сходят с привычной колеи княжеских отношений, ищут новых путей, не задумываясь над старинными счетами, над политическими преданиями и приличиями».

Так выясняются у В. О. Ключевского основные причины, которые сделали Москву и ее князей великой исторической силой: разрушая старые традиции, эта сила пошла против преобладавшего движения северной жизни к дроблению и начала «обратное дело» собирания частей верхневолжской Руси в новое целое.

Это «новое дело» не опиралось, по представлению Ключевского, ни на какую историческую традицию, а потому могло лишь очень постепенно и поздно получить общее национально-политическое значение. Первая его стадия – расширение территории московских владений – скупкой чужих земель, их насильственным захватом, иногда «дипломатическим захватом с помощью Орды», служебным договором с удельным князем, наконец, захватом колонизационным – расселением из московских владений за Волгу. Образцовый правитель-хозяин – московский князь – умеет не только приобретать, но и сохранять свои приобретения и налаживать в них порядок. Второй момент – приобретение великокняжеского влияния: сила Москвы и ее ловкая политика дают Великороссии отдых от внешних тревог и ко времени Донского сообщают московскому князю значение «национального вождя Северной Руси в борьбе с внешними врагами». Это значение поддержано перенесением в Москву митрополичьей кафедры: многозначительный факт этот произошел, по Ключевскому, довольно случайно, в связи опять-таки с географическим положением Москвы: через нее лежал путь митрополита из Владимира в юго-западные епархии; митрополит Петр часто бывал тут, подружился с Иваном Калитой, тут и умер: эта «случайность» стала заветом для дальнейших митрополитов. Все это обуславливало «территориальный и национальный рост Московского княжества», которое «вбирало в себя разьединенные части Русской земли» и, поглощая другие русские княжества, превратилось в национальное Русское государство.

Параллельно этому процессу нарастал и другой – «политический подъем» одного из московских князей, которому, как старшему в московской княжеской семье и, в то же время великому князю, наибольшей долей доставались выгоды внешних успехов, достигнутых Московским княжеством. Главный фактор того «политического возвышения», которое, в конце концов, превратило московского великого князя в единодержавного русского государя, – постепенное увеличение доли вотчинного наследства, какая «на старейший путь» выпадала по духовным грамотам старшему сыну. «Посредством такого вотчинного фактического преобладания, без политических преимуществ, этот великий князь и превратился в государя не только для простых смертных, но и для самих удельных князей». Случилось так потому, что «фамильные усилия московских великих князей встретились с народными нуждами и стремлениями». Собственным мотивом деятельности этих князей был «династический интерес, во имя которого шло и внешнее усиление их княжества, и внутреннее сосредоточение власти в одном лице». Но их успехи создали, в конце концов, когда «к половине XV в. среди политического раздробления сложилась новая национальная формация» – великорусская народность, готовую форму для осуществления назревшей новой потребности народной массы «в политическом сосредоточении своих неустроенных сил, в твердом государственном порядке, чтобы выйти из удельной неурядицы и татарского порабощения». Тогда – во времена Василия Темного и Ивана III – «затаенные и долго дремавшие национальные и политические ожидания и сочувствия великорусского племени, долго и безуспешно искавшие себе надежного пункта прикрепления, сошлись с династическими усилиями московского великого князя и понесли его на высоту национального государя Великороссии». Таковы «главные моменты политического роста Московского княжества»⁴³.

В лекциях В. О. Ключевского эти «главные моменты» резко расчленены и ярко охарактеризованы. Их четкие очертания доведены до решительного противопоставления противоположных друг другу явлений и процессов в исторической жизни Великороссии. Для достижения сильной конкретности изложения, столь привлекательной в трудах В. О. Ключевского, пришлось удельный распад Великороссии представить первичным историческим явлением ее судеб, которое выросло непосредственно из условий колонизации русского северо-востока; представить саму эту колонизацию сравнительно поздним явлением, а образование

⁴³ Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. II, лекции XXI и XXII.

«великорусской народности» датировать серединой XV в., отнести его к моменту «встречи» фамильных усилий московских князей с народными нуждами и стремлениями. Отдельно строилась «форма» будущей великорусской государственности в вотчинном московском мире; отдельно слагалось ее будущее содержание в нараставших потребностях «новой национальной формации». Яркая драматизация исторической схемы находит затем свое разрешение в появлении на исторической сцене «национального государя Великороссии», который указывает выход из удельной неурядицы и татарского порабощения в создании твердого государственного порядка.

В одной из давних статей своих П. Н. Милоков охарактеризовал труды корифеев русской исторической науки термином «юридическая школа в русской историографии»⁴⁴. Действительно, к ним в значительной мере приложима та характеристика, какую А. Д. Градовский дал – по поводу труда В. И. Сергеевича «Вече и князь» – «сочинениям по истории русского права»: их задача – раскрытие «начал», проявление которых в историческом процессе указывается на примерах, взятых из русской истории; исторический материал не играет тут самостоятельной роли; он важен лишь настолько, насколько в нем можно изучить проявление юридических начал⁴⁵, притом, надо заметить, начал, установленных – в самом содержании своем – вне прямой зависимости от анализа данного исторического материала.

Таким преобладанием социологического догматизма в самом методе «юридической школы» объясняется то обстоятельство, на первый взгляд странное, что фактические данные, какими оперирует наша историография в изучении вопроса о возникновении Великорусского государства, освещаемые с различных точек зрения, остались, по существу, без пересмотра, а самые источники, откуда эти данные почерпнуты, – без достаточного анализа. Весь этот вопрос, один из важнейших для русской исторической науки, можно сказать, ни разу не подвергался монографической обработке, так как работы Станкевича, Вешнякова, Полежаева только отражали по-своему общие построения профессорских курсов. Поэтому попытка более конкретно пересмотреть данные исторического материала, каким мы располагаем для выяснения условий образования Великорусского государства, вне зависимости от традиционных историко-социологических схем и концепций, представляется автору этих строк задачей в полной мере насущной. Дело в том, что простой обзор – возможно внимательный и полный – подлинного фактического материала, какой нам дают источники, приводит к любопытному и научно ценному выводу: господство теоретических построений в нашей историографии привело к такому одностороннему подбору данных, при котором отпадало из их комплекса все, что не годилось для иллюстрации установленной схемы, не подтверждало ее предпосылок; пострадало при этом и критическое отношение к источникам. Важнейшие из них – духовные и договорные грамоты и летописные своды – еще ждут тщательного исследования. Для грамот мы не имеем полного и научно точного издания: их анализ сводится к статье Чичерина, во многом не удовлетворяющей требованию историка. Изучение летописных сводов лишь недавно поставлено с надлежащей широтой и глубиной в трудах А. А. Шахматова, а выводы этого изучения еще не использованы для пересмотра истории XIV–XVI столетий.

⁴⁴ Милоков П. Н. Юридическая школа в русской историографии // Русская мысль. 1886. Кн. 6.

⁴⁵ Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. I (статья «Государственный строй Древней Руси»).

2. Северо-Восточная Русь до татарского нашествия. Ростовско-Суздальская земля в XII–XIII вв.

Ростовская земля занимает совсем особое место в представлениях русской историографии. Она выступает в историографической традиции – новообразованием XII–XIII вв. Продолжая построение, данное еще С. М. Соловьевым, В. О. Ключевский говорит о ней как о крае, который «лежал вне старой коренной Руси и в XII в. был более инородческим, чем русским краем», а подлинную русскую колонизацию ее связывает с тем моментом, когда «главная масса русского народа» отступила «перед непосильными внешними опасностями с днепровского юго-запада к Оке и верхней Волге». Поэтому изучение последствий русской колонизации Верхнего Поволжья дает Ключевскому возможность изучать «самые ранние и глубокие основы государственного порядка, который предстанет перед нами в следующем периоде». Увлекательная задача – проследить образование на девственной почве нового уклада политической и общественной жизни – дала В. О. Ключевскому лучшие, быть может, страницы его неподражаемого «Курса русской истории». На фоне первобытной природы с полудиким финским населением яркой фигурой выступает князь-вотчинник, колонизатор и организатор, подымающий личными усилиями культурную новину. Этот образ создан С. М. Соловьевым и художественно разработан В. О. Ключевским в яркой антитезе: «Военный сторож и подвижной вотчич всей Русской земли, князь с XIII в. становится на севере сельским хозяином-вотчинником своего удела»⁴⁶. Колумбом Поволжья выступает Юрий Долгорукий. «Здесь, на севере, в обширной области, – читаем у Соловьева, – в этой суровой и редко населенной стране находился только один древний город... Ростов Великий», но «скоро начали возникать около него города новые; сын Мономаха, Юрий, особенно прославил себя как строитель неутомимый». И Ключевский сохраняет то же представление о князе Юрии: «Начиная с Юрия Долгорукого, оставившего своим детям столько городов и селений в Суздальской земле, каждый князь, правивший этой землей или ее частью, покидал свое владение далеко не таким, каким заставлял его; край оживал на его глазах: глухие дебри расчищались, пришлые люди селились на новях, возникали промыслы, новые доходы прибывали в княжескую казну, новые классы завязывались в обществе»⁴⁷.

Откуда это представление о Юрии-градостроителе? Нашими источниками засвидетельствовано построение им четырех «градов» – Кснятина на устье Нерли, Юрьева-Польского, Дмитрова и Москвы⁴⁸. Но Татищев приписал Юрию широкое градостроительство, а Соловьев и Ключевский ссылаются на него, как на источник. Ключевский поясняет это обстоятельство утверждением, что Татищев, согласно его собственному заявлению, «начал встречать целый ряд других новых городов в Северной Руси, которые не были известны до того времени», – «в своих источниках, теперь исчезнувших». Однако мы у Татищева не встречаем такой ссылки на источники. Он только указывает в пояснение своего упоминания о построении Юрием многих

⁴⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекции XVII и XVIII; *Он же*. Боярская дума. Гл. III и IV.

⁴⁷ Соловьев С. М. История России. Кн. I. С. 494–495; Ключевский В. О. Боярская дума. Изд. 4-е. С. 91.

⁴⁸ О построении города Константина (Кснятина, Коснятина) сообщает только Никоновская летопись (Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. IX. С. 158) под 6641 (1133) г.: «Того же лета князь Юрьи Володимирич Манамашь заложи град на усть Нерли на Волзе и нарече имя ему Константин и церковь в нем созда». О Юрьеве-Польском под 6660 г. в общем перечне церковного строительства Юрия упомянуто, что он и «град Юрьев заложи и церковь святого Георгия каменну» (ПСРЛ. Т. IV. С. 153; ср. Т. V. С. 160); о Дмитрове под 6664 (1157) г.: «Родися князю Юрию сын Дмитрей: бе бо тогда на рече на Яхроме и со княгинею, и заложи град во имя сына своего и нарече и Дмитров, а сына нарече Всеволодом» (ПСРЛ. Т. V. С. 161; ср. Т. VIII. С. 60). О Москве – в Тверской летописи (ПСРЛ. Т. XV. С. 225) из 6664 г.: «Заложи град Москвю на устниже Неглинны, выше реки Аузы». Само по себе сооружение укреплений мало дает оснований для представлений о колонизационной деятельности князя. О Переяславле читаем прямое указание, что Юрий его «переведе от Клещина [озера], заложь велик, и церковь постави святого Спаса в Переяславли» (ПСРЛ. Т. IV. С. 153).

городов «в Белой Руси», что «которые точно, о том историки (то есть летописцы) не равно написали, и хотя точно имен всех не упомянуто, но по обстоятельствам и случаям от сего времени *вновь построенные* един по другом упоминаемы». Татищев счел «вновь построенными» города, которые ранее не поминались в летописях, а тут, в рассказе о Юрии и его преемниках, стали упоминаться «по обстоятельствам и случаям»; для тех же городов Суздальской Руси, которые названы по старинным южнорусским, Татищев нашел основание приписать их построение Юрию в словах своей Новгородской летописи, которые он так передает: «Юрий, вспоминая города просты Русские, иже быша владения его и отяты Ияславом, построил Юрьев в поле и другие грады теми же имяны», с пояснением: «по сему можно мнить, что именами бывших тогда около Киева»⁴⁹. Так опора Ключевского не в показаниях источников Татищева, а в его предположениях. Еще характернее другие ссылки Соловьева и Ключевского на текст Татищева. Соловьев указывает на том III, с. 76; Ключевский ссылается на то, как «сам Андрей Боголюбский хвалился своею колонизаторской деятельностью», а именно говорил боярам по поводу замысла учредить во Владимире особую митрополию: «Я всю Белую Русь городами и селами великими населил и многолюдной учинил»⁵⁰. Но именно эти места татищевского текста нет основания относить к его «исчезнувшим источникам». Текст, соблазнивший Соловьева, есть вставка Татищева в его «летописный свод», в начале главы: «Разделение государства на два великие княжения», что и видно из относящихся к нему примечаний (457 и 458); такой же плод обработки летописного текста и строки, использованные Ключевским⁵¹.

Представление о крайней элементарности культурного состояния Ростовской земли в XII в. основано не на каких-либо положительных данных, а главным образом на скудости сведений о ее внутренней жизни и состоянии в наших источниках. Историку часто бывает трудно выдержать на деле старую истину, что нельзя отсутствие известий принимать за отсутствие

⁴⁹ Татищев. История Российская. Кн. III. Примеч. 458.

⁵⁰ См. Татищев. Т. III. С. 139.

⁵¹ См. Там же. С. 76: «По многих так несчастливых предприятиях великий князь Юрий Владимирович Долгорукий, пришед в Суздаль и видя себя Руской земли совсем лишена, от великого княжения отщется, основал престол в Белой Руси; Рязанских же и Муромских князей ко оному приобщил и крестным целованием утвердил. Потом зачал строить в области своей многие града Юрьев в поле, Переяславль у Ключина озера, Владимир на Клязьме, Кострому, Ярославль и другия многия града, теми же имены, как в Руси суть, хотя тем утолить печаль свою, что лишился великого княжения Русаго, и начал те града населять, созывая людей отсюда, которым не малую ссуду давал, и в строениях и другими подаяниями помогал, в которые приходя множество Болгар, Мордвы, Венгров кроме Русских селились, и пределы яко многими тысячи людей наполни». Эта вставка, обличающая самым содержанием свою независимость от летописных источников, отразилось на с. 139, которую привел Ключевский; ср. еще на с. 124 того же тома III слова «где тогда Андрей град на Каме строил». Всего этого (как и многого иного из тех «известий» Татищева, которые использованы С. М. Соловьевым) нет в той редакции второй части «Истории Российской» (соответствует II и III томам печатного издания), которую В. Н. Татищев было приготовил к печати, думая выпустить в свет раньше первой части. В этой первоначальной редакции татищевской «Истории» имеем «летописный свод», составленный на основании всех главных его источников (манускрипты: Кабинетной, Раскольничьей, Радзивилловской, Голицынской, Кириловской, Новгородской Иоаннов, Псковской, Новгородской Крекшина, Никоновской и Нижегородской); для дальнейшей переработки послужили, кроме Иоакима Новгородского, только Иосифовский список (ср. с. 63–64, том I) и какие-то источники, сообщенные Татищеву «от некоторых любопытных», о чем упомянуто в конце гл. VII тома I. Упомянутый список первоначальной редакции второй части «Истории» хранится в Имп. Академии наук под шифром: 17. 17. 11. Погодин приписывал Юрию Долгорукому «основание многих городов», но упоминал только Юрьев, Переяславль, Дмитров и, предположительно, Москву (Погодин. Исследования. Т. V. С. 308). Д. А. Корсаков указывает, что летопись называет только три города, построенных Юрием, – Княгинин или Константинов, Юрьев-Польский и Дмитров, но признает «справедливыми сообщениями Татищева» о том, что таких городов было, по всей вероятности, больше («Меря и Ростовское княжество», с. 77); К. Н. Бестужев-Рюмин выражается еще осторожнее: «Говорят, что он строил здесь города, и действительно, города, несомненно, княжеского построения (Дмитров в честь Всеволода-Дмитрия, здесь родившегося; Юрьев, в честь его самого), несомненно, им построены; но другие могли быть только укреплены им» (Бестужев-Рюмин. Русская история. Т. I. С. 188). Действительно, трудно критически определить цену этих известий: например, сравнение текстов ПСРЛ. Т. IV. С. 153 и Т. I. С. 160 может вызвать на предположение, что известие о переносе на новое место и расширения Переяславльского града – вставка позднейшей редакции; а сравнение текстов Т. V. С. 161 (о Дмитрове) и Т. XV. С. 225 (о Москве) – под одним и тем же годом может усилить те сомнения в известии о закладке Юрием московского города, о которых см.: Платонов С. Ф. Статьи по русской истории. Изд. 2-е. С. 78–79, так как подрывают уверенность, что эти известия позднейших летописных сводов восходят к старым источникам, а не составлены по устным преданиям и датированы произвольно.

«исторической жизни». Впрочем, при несколько пристальном и свободном от предвзятости внимания к тем скудным чертам, какими отразилось в наших источниках состояние Ростовского Поволжья до Юрия Долгорукого, при Юрии и при Андрее Боголюбском, придется сказать, что оно противоречит обычному представлению о ней. К тому же черты эти отмечены с достаточной определенностью в трудах В. И. Сергеевича и Н. П. Кондакова.

Разве не наталкивает на сомнение уже то соображение, что само утверждение в данной области прочной и преемственной княжеской власти должно служить для историка признаком крупных успехов предыдущей колонизации и организации местного быта, что общество – не только в Киевской Руси, но всегда и всюду «старше своего князя»? С другой стороны, если бы В. О. Ключевский захотел применить к Северной Руси свою теорию о значении внешней торговли для развития быстрого усложнения быта и социально-политического строя среди восточных славян, разве пришлось бы ему терпеть от недостатка данных? Обилие монет и вещей, шедших к славянам с Востока в VIII–XI вв., арабские известия о значительной русской торговле в болгарях, в Хазарском царстве, на Каспии и за Каспием, богатые находки западных монет X–XI вв.; известие о сборе хазарами с вятичей дани «щлягами», то есть западными шиллингами, столь трудное для конкретного осмысления; раннее знакомство скандинавов с далеким северо-востоком Европы – все это дает представление о значительности Волжского торгового пути – и более раннее, и более определенное, чем то, что имеем для пути из варяг в греки по Днепру. Не говорит о чуждом зажиточности и доходов захолустье и ранний интерес князей к далекой Ростовской земле. Политические отношения этого края при сыновьях и внуках Ярослава не совсем ясны⁵². По сказаниям Киевской летописи, при Владимире Святом в Ростове княжил Борис, в Муроме Глеб; не вижу убедительных оснований для отрицательного отношения к этой записи старого свода, какое высказал А. А. Шахматов⁵³; держать крайние боевые пункты своих владений сыновьями – устойчивая черта политики киевских князей. При сыновьях Ярослава – наряду с приднепровскими владениями – правобережными Изяслава Ярославича и левобережными Святослава, видим Ростов, Суздаль, Поволжье в руках Всеволода вместе с южным Переяславлем. Это географически искусственное сочетание волостей создает особую традицию Всеволодовой отчины и притязания северных князей на южный («русский») Переяславль, поддержанные их стремлением держать «часть» в Русской (Киевской) земле, чтобы не терять влияния на центр всей системы традиционных междукняжеских отношений. Владимир Мономах, поглощенный борьбой с половцами и южной политикой, не упускает, однако, из виду Ростова. Он ездит туда, по временам, для своего княжого дела, упорно защищает с сыновьями эту «волость отца своего» от захвата черниговским Олегом Святославичем, строит тут «в свое имя» город Владимир-на-Клязьме. По-видимому, до Мономаха и первое время при нем Ростов был под управлением княжеских посадников. Мономах посылает туда своего тысяцкого, варяга Георгия, дав ему «на руки» сына своего Юрия. Юрий Владимирович стал князем Ростовским и лет сорок непрерывно владел северной волостью. При нем уже яснее выступают основные особенности этого края. И те черты внутреннего строя, какие выступают перед нами, как только можем вычитать в летописных текстах более четкие указания на склад отношений в Ростовской земле, свидетельствуют о значительной сложности исторических судеб, пережитых ею в предыдущее время.

В этой области, по дошедшим до нас позднейшим летописным сводам, два крупных городских центра – Ростов и Суздаль. Не знаем времени основания Суздаля, но политически он моложе Ростова, а между тем со времен Юрия – он стоит рядом с Ростовом, и земля чаще именуется в наших летописях Суздальской, чем Ростовской. Трудно сомневаться, что тот процесс, какой мы наблюдаем позднее, при Андрее Боголюбском, как «возвышение Владимира»,

⁵² См. Княжое право в Древней Руси. С. 41–42.

⁵³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 89–91.

был уже пережит Ростовской землей при Юрии, как «возвышение Суздаля». Насколько знаю, один только В. И. Сергеевич оценил значительность этого явления для разумения ранних судеб Северо-Восточной Руси⁵⁴. Для Юрьевича Андрея «отень стол» в Ростове⁵⁵, но, как отметил В. И. Сергеевич, «живет Юрий чаще в Суздале, чем в Ростове», из Суздаля выступает в походы и в Суздаль возвращается, а в Киеве окружен не ростовцами, а суздальцами, и им раздает дома и села Изяславовой дружины⁵⁶. Однако Суздаль, о «возникающем преобладании» которого говорит В. И. Сергеевич, не оттеснил Ростова на второй план. Терминология Лаврентьевской летописи в рассказе о временах Андрея Боголюбского и событиях, последовавших за его кончиной, неизменно выдвигает на первый план Ростов и ростовцев перед Суздалем и суздальцами. Мало того. Ее текст носит явные следы переработки иного изложения, где в роли центра Северо-Восточной Руси выступал один Ростов; а Суздаль добавлен составителем новой редакции свода⁵⁷: так, например, в знаменитом рассуждении летописца о взаимном отношении старших городов и пригородов читаем: «А zde город старый Ростов и Суздаль и вси боляре хотяще свою правду поставити, не хотяху сотворити правды Божья»⁵⁸, строки, вызвавшие такое замечание В. И. Сергеевича: «Выходит, что Ростов и Суздаль составляют как бы один старший город». Сергеевич объяснил возвышение Суздаля – по аналогии с позднейшим возвышением Владимира: «В старом Ростове было не мало сильных людей – бояр, которые, естественно, стремились заправлять всеми делами волости; от них-то, надо думать, ушел Юрий в Суздаль; но, по всей вероятности, бояре успели развестись и в Суздале, и вот сын Юрия, Андрей, уходит во Владимир, к мезиним⁵⁹ людям, владимирцам».

Так выступает уже при Юрии Долгоруком значение сильного боярства в Ростовской земле; едва ли признание этого значения можно считать предположением: оно подтверждается всем летописным повествованием о временах Юрия и Андрея и их преемников.

Руководящей мыслью политики Юрия Долгорукого было сохранить за своей семьей Ростовскую вотчину, утвердив в то же время ее преобладание во всей Руси. Старших сыновей – от первого брака с половчанкой, дочерью хана Аепы, – Юрий предназначал для киевского юга и сажал их при себе в Переяславле («руском»), Турове, Пересопнице, Вышгороде, Каневе. Детей от второго брака, с византийской принцессой, Юрий держит на севере – Мстислава на новгородском княжении, Василька, Михалка и Всеволода в Ростове и Суздале. По свидетельству Владимирского летописца, «Ростовци и Суждальци и Переяславци и вся дружина» целовали Юрию крест «на меньших детях, на Михальце и на брате его». Когда ему удалось утвердиться в Киеве, он младших (Михалка и Всеволода) оставил в Суздале, под опекой их матери и своего кормильца – тысяцкого варяга Георгия Шимоновича. Так был поставлен вопрос о закреплении за Ростовско-Суздальской землей значения семейной вотчины Юрьевичей, при том младших, сыновей Юрия от второго брака, по соглашению с влиятельными силами земли. Старший во всех Юрьевичах, Андрей, разбил отцовские планы, уйдя от него на север из Выш-

⁵⁴ Сергеевич В. И. Древности Русского права. Т. I. 16–20.

⁵⁵ Лаврентьевская летопись. Изд. 3-е. С. 330 (1157 г.).

⁵⁶ Весьма вероятно, что еще при Юрии Суздаль стал резиденцией не только князя, но и ростовского епископа; на значение Суздаля как епископской резиденции имеем определенное указание от лет, ближайших к кончине князя Юрия: в 1162 г. князь Андрей Боголюбский после разрыва с епископом Леоном возвратил его «но в Ростов, а в Суждали не да ему седети» (ПСРЛ. Т.П. С. 520).

⁵⁷ В летописи Лаврентьевской – сплетение ростовских и владимирских записей, причем первые, вероятно примкнувшие к «Летописцу старому Ростовскому», на который ссылается епископ Симон в послании к Поликарпу (Киево-Печерский Патрик), проредактированы летописцем Владимирком. См. А. А. Шахматова о Лаврентьевской летописи (в «Разборе труда И. А. Тихомирова»: «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». Отчет о XII присуждении наград гр. Уварова. 1899) и его же «Исследование Радзивилловской или Кенигсбергской летописи», при фотомеханическом издании этой летописи Общества любителей древней письменности).

⁵⁸ Лаврентьевская летопись. С. 358 (1176 г.).

⁵⁹ Мезиним люди – не знатные, не родовитые, «новая знать», получившая политическое влияние в 1170–1180 гг. (Примеч. ред.)

города «в свою волость Володимерю». Быть может, не лишен ценности намек, сохраненный в цитате Карамзина, на связь Андрея с определенной боярской партией: на самовольный уход в Суздальщину его «подяша Кучковичи», те самые, с которыми ему потом пришлось так кроваво столкнуться⁶⁰. Намек этот на влиятельное участие бояр в суздальских событиях времен Юрия и Андрея подтверждается дальнейшим ходом событий. Лет двадцать владел Андрей Суздальщиной, но достиг он этого только разгромом противников и опираясь на своих сторонников.

По смерти Юрия «Ростовци и Суждальци, здумавше вси, пояша Аньдрея, сына его старейшего, и посадиша и в Ростове на отни столе и Суждали»⁶¹. А на третий год Андрей изгнал из Суздальщины соперников-мачешичей с их сторонниками-боярами, «мужи отца своего передними»⁶².

В этих событиях очевидно взаимодействие княжеских притязаний и раздоров с борьбой и политикой боярских партий. В книге «Княжое право в Древней Руси» подробный разбор летописного текста, повествующего о событиях в Суздальщине по убиении Андрея Боголюбского, привел меня к выводу, что упоминания о действиях «Ростовцев и Суздальцев» должны быть отнесены не к выступлениям «вечевых общин» Ростова и Суздаля, а к деятельности ростовского и суздальского боярства, как делом боярского заговора было и самое убийство Андрея (Петр, Кучков зять; Яким Кучкович). В. И. Сергеевич правильно пояснял силу Ростова рядом с князем Суздалем значением ростовского боярства. Своеобразное двойное «старейшинство» Ростова и Суздаля в Верхнем Поволжье не объяснимо иначе как солидарностью действий «бояр и всей дружины», несмотря на то что организация этого класса имела тут два центра. «Ростов, Суздаль и все бояре», «Ростовци и Суждальци и Переяславци и вся дружина» – таковы формулы летописного текста; если даже настаивать на обычном предположении, что они указывают на активную роль «старых вечевых общин», то и такое представление мало что изменит в выводе о руководящей политической роли сильного боярства, которое стоит во главе «всей дружины» и вершит судьбами всей земли. Это боярство в Суздальщине то же, что и везде в Древней Руси, – «старейшая дружина», сильная административным влиянием, общественным положением и земельным богатством. Нет ни оснований, ни возможности считать этот класс новообразованием, только что возникшим, при Андрее Боголюбском или Юрии Долгоруком. А наличие сильного земского класса заставляет признать, что первые князья Ростово-Суздальской земли, Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский, строили свое политическое и владельческое здание не на зыбкой только что колонизирующейся почве, а на основе окрепшего общественного быта, сложного по внутреннему строю, в среде того же уклада, какой в ту же пору наблюдаем в Киевщине или на Волыни, в Галицкой земле или в Черниговщине. XII в. – всюду на Руси время усиления боярского землевладения, боярского влияния и роста боярских привилегий⁶³.

⁶⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. Примеч. 383.

⁶¹ Лаврентьевская летопись. С. 330 (1157 г.); Ипатьевская летопись. С. 490 (1158 г.: «сдумаете Ростовци и Суждальци и Володимерци вси... и посадиша и на отни столе Ростове и Суждали и Володимери»).

⁶² Ипатьевская летопись (ПСРЛ. Изд. 2-е. Т. II. С. 520–521): «Выгна Андрей епископа Леона ис Суждаля и братью свою потна Мьстислава и Василка и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передний; се же створи хотя самовластец быти всей Суждальской земли»; и ниже: «идоста Гюргевича Царюгороду Мьстислав и Василко с матерью и Всеволода молодого пояша с собою третьего брата». Ср. Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. VII. С. 76–77). Ипатьевская летопись ставит изгнание епископа Леона в связь с изгнанием братьев-князей и их сторонников – бояр; столкновение князя Андрея с епископом разыгралось на церковно-религиозных мотивах (Ипатьевская летопись. С. 520; ср. Лаврентьевская летопись. С. 331, под 1159 г.), что, конечно, не исключает политической подкладки конфликта. Момент был исключительной важности для Андрея Боголюбского. Закончив постройку во Владимире Успенского собора, князь Андрей стремится к церковно-политическому возвышению своего стольного города – учреждением в нем митрополии, и к церковно-религиозному прославлению своей земли канонизацией первых ростовских епископов Леонтия и Исаии, мощи коих были найдены при закладке новой соборной церкви в Ростове вместо сгоревшей в 1164 г. Неудача, постигшая эти начинания князя Андрея, не умаляет их характерного значения для всей его деятельности. См. Никоновская летопись (ПСРЛ. Т. IX. С. 220–231); Голубинский. История Русской церкви. Т. I. Ч. I. С. 330–331; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. С. 135–138.

⁶³ Пресняков А. Е. Княжое право. С. 273 и 296–303, СПб., 1909.

Времена Юрия и Андрея для Суздальщины – эпоха усиленной организации княжого правления и властвования в связи с утверждением вотчинного обладания ею за одной из линий княжого рода. Эта деятельность княжой власти сказалась, между прочим, и в строительстве, и в колонизации, и в местной политической деятельности, в такой же работе князей-вотчичей своей земли, какую – несколько позже – наблюдаем и в Юго-Западной Руси на деятельности старшей линии Мономаховых потомков в землях Волынской и Галицкой.

Конечно, приходилось князьям и города строить, на новых ли местах, стратегически важных, или для укрепления «городом» старинных поселений. Но что особенно ярко и характерно в строительной деятельности северных князей – это созидание храмов. Еще Владимир Мономах построил церковь Святого Спаса во Владимире. Юрию Долгорукому принадлежит сооружение Святого Спаса в Переяславле-Залесском, собор Юрьева-Польского, Святого Спаса Ефимьевского монастыря в Суздале, церкви Святых Бориса и Глеба на Нерли, Святой Богородицы в Ростове (расписана в 1187 г.); Андрею Боголюбскому – Владимирского Успенского собора, церкви Святого Иоакима и Анны и Золотых ворот во Владимире. Брат его Всеволод продолжал это строительство, соорудил во Владимире Дмитриевский собор и церковь Рождества Богородицы, обновил соборы Владимира и Суздаля. Константин Всеволодович построил в Ростове новый Успенский собор, когда храм, созданный Юрием, погиб в пожаре 1211 г., а в Ярославле – храмы Успенский и Преображенский. Все это церковное строительство составляет важную и весьма содержательную страницу в истории русского (и не только русского) искусства. Излюбленный материал для строения – белый камень, который по Волге привозили из Камской Болгарии. Среди этих храмов есть памятники высокого художества, крупного и своеобразного художественного стиля. Перед нами те монументальные данные, которые позволили Н. П. Кондакову говорить, что «русское искусство есть оригинальный художественный тип, крупное историческое явление, сложившееся работой великорусского племени при содействии целого ряда иноплеменных и восточных народностей»⁶⁴.

Значительное развитие каменного церковного строительства, а тем более выработка оригинального и художественно-содержательного стиля – возможны только в стране с развитой городской жизнью, богатой материальными средствами, развитием местного ремесла и вообще своей местной культурой. Н. П. Кондаков справедливо указывает на украшение наружных стен суздальских храмов назидательной скульптурной символикой как на признак развитой городской жизни, так как эта символическая скульптура рассчитана на внимание и понимание населения, толпящегося на храмовой площади. Одних этих храмов достаточно, чтобы отказаться от представления о Северо-Восточной Руси XII в. как о темном захолустье, где и культура, и благосостояние, и городская жизнь стояли несравненно ниже, чем на киевском юге.

Своеобразный художественный тип суздальского искусства XII в. – одно из наглядных проявлений особенности этой русской области. Но не следует преувеличивать ее обособления, игнорируя значительность ее связей с югом и западом. В наших летописных источниках достаточно указаний на то, как дорожили этими связями князья Северо-Восточной Руси. Увлечение «теорией родового быта» оставило глубокий след в нашей историографии, между прочим, и в том отношении, что политика Юрия Долгорукого осмыслялась как борьба за отвлеченный принцип старейшинства в Русской земле, связанного с «золотым столом» Киева, без достаточного внимания к реальным ее мотивам. Юрий – это видно из фактических данных о его деятельности в наших летописных сводах⁶⁵ – стремился к сохранению и усилению своего влияния в Южной Руси не без отношения к своим «суздальским» интересам. Его борьбу за Киев нельзя отделять от характерных усилий закрепить за собой вотчину Всеволода Ярославича и Влади-

⁶⁴ Кондаков Н. П. О научных задачах истории древнерусского искусства // Памятники древней письменности. Вып. 132. 1899; Толстой И., Кондаков Н. Русские древности. Вып. VI.

⁶⁵ Пресняков А. Е. Княжое право. С. 94–105.

мира Мономаха – Переяславль южный, а также Городец русский, Посемье и Курск, линию связи Суздальщины с югом. С такой точки зрения не столь глубок разрыв с его политикой деятельности Андрея Боголюбского и Всеволода Юрьевича. Они отрешились от представления о Киеве как неизбежном центре общерусского влияния, но не от стремления сохранить это властное влияние на судьбы русского юга. Помимо политических мотивов – держать под своей рукой традиционный центр всей системы между княжеских отношений, чтобы не дать окрепнуть силе соперников – старших Мономашичей, опасной для Суздальщины по их влиянию на Новгород, на Смоленск, на Черниговщину, это стремление объясняется определенными торговыми и культурными интересами. Торговые и культурные отношения Суздальщины с Черниговом и Галицкой Русью, Смоленском и Новгородом были широки и значительны. Они недостаточно изучены, но вне представления о них необъяснимы исторически ни суздальское искусство, ни развитие книжного творчества Северо-Восточной Руси. С юга шли ценные товары, как и с Запада; в Суздальщине знали немецких купцов и западных ремесленников; через нее шла торговля Востока и Запада, шел, например, болгарский воск с одной и немецкие сукна с другой стороны⁶⁶. Великий Волжский путь, налаженный с VIII–IX вв., не замирал и в следующие столетия. Ростовско-Суздальская земля раскинулась на пути исконных транзитных отношений, которые объясняют, в связи с другими условиями, возникновение на русском северо-востоке крупной исторической жизни.

Еще при Юрии Долгоруком определился особый круг интересов суздальской политики, который в значительной степени остается основным и характерным на ряд столетий в истории Великороссии. Пресловутая борьба за Киев далеко не наполняет всей жизненной деятельности Юрия. При жизни отца и старшего брата Мстислава и позднее, в восьмилетнее киевское княжение Всеволода Ольговича, он замкнут в местных, суздальских интересах. Их основная черта – стремление обеспечить за собой господство на путях из Новгорода в Поволжье. Первое известие о Юрии на севере – его поход на камских болгар в 1120 г. Наступление на Новгород – характерная черта его действий. Не раз сажает он сыновей на новгородском княжении, дважды захватывает Новый Торг, запирая артерию восточной торговли Новгорода. Стремления Юрия идут и дальше: он начал наступление на заволоцкие владения Новгорода, отнимает у него северные дани и пути торговые. Тут, на новгородской почве, завязалась борьба Юрия с Изяславом Мстиславичем и началась наступлением Изяслава за то, что «Гюргий из Ростова обидит его Новгород, и дани от них отоимил и на путех им пакости деет». Это столкновение втянуло Юрия в борьбу с Изяславом за Киев, и его победа разбила в самом центре враждебные силы южных князей⁶⁷. Черты «суздальской ориентировки» в политике Юрия Долгорукого подготовили деятельность Андрея Боголюбского. Главная энергия Андрея направлена на Новгород: Андрей силой водворяет в Новгороде послушных князей – сыновей и племянников или подручного смоленского Ростиславича, смиряет новгородцев прекращением подвоза хлеба из Поволжья в Новгород; и знаменитый поход на Киев 1169 г., приведший к разгрому «матери городов русских», был вызван столкновением Андрея с Мстиславом Изяславичем из-за господства в Новгороде. Другая забота Андрея – болгарские отношения, которые вызвали два его похода вниз по Волге (1164 и 1172 гг.). И та же политика – на два фронта – характерна для деятельности Всеволода Юрьевича. Кроме большого похода на болгар в 1184 г., когда он десять дней стоял под их столицей Великим городом, Всеволод в 1186 г. посылал рать свою воевать болгарскую землю. Но и его главная забота – новгородские отношения, которые все больше осложнялись попытками новгородцев найти опору против суздальского засилья в князьях-соперниках новой северной силы. Киев пал, и новое Мономахово племя замкнулось в

⁶⁶ Ср. Обзор известий о внешних отношениях Суздальщины: *Иконников В. С.* Опыт русской историографии Т. II. Кн. 1. Гл. десятая.

⁶⁷ *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 100.

делах волынских и галицких. Новгородцы пытаются теперь противопоставить напору князей Владимира Суздальского то смоленских, то даже черниговских князей. Но без сильной княжеской власти им не обойтись. Их связывали с княжеской властью далеко не одни торговые пути и дела в окрестных землях – вотчинах осевших там на владельческом корню княжеских фамилий. XII в. и начало XIII в. – боевое время в жизни Великого Новгорода; крепнет западная ориентировка новгородской торговли, а с другой стороны разрастается новгородское наступление на западных и восточных финнов, ради ясака и господства в промысловых волостях завязывается и упорная борьба со шведами, литвой и немцами, за прибалтийские торговые пути и господство над теми же финнами. Торговый город не может обойтись без испытанной боевой княжеской силы, которая не только организует его наступление и самозащиту, но и поддерживает их своими войсками. Суздальские князья сильнее других, и ближе их интересы к новгородским задачам; в них Новгород находит больше действительной поддержки в борьбе и с финнами, и с западными врагами. Но они именно потому и опаснее для новгородской вольности, еще не окрепшей: защищая и поддерживая новгородцев, князья Владимира Суздальского стремятся, со времен Юрия и Андрея, крепко и постоянно держать его под своей рукой.

В деятельности Всеволода Юрьевича видим закладку прочных основ «великого княжения Владимирского и Великого Новгорода», как характерно называют позднее летописцы Суздальской земли эту политическую формацию. После нескольких решительных столкновений Всеволод привел новгородцев к тому, что они у него просили себе князей, а владимирский князь, первый, кого летописные тексты определенно титулуют «великим князем», посылает на новгородское княжение племянников и сыновей своих. Боевое положение великого князя Владимирского требует распоряжения возможно значительными военными силами. Вполне реальными потребностями суздальской политики проникнуто стремление северно-русских князей к подчинению себе других русских князей, чтобы парализовать их противодействие расширению своей власти и пользоваться их силами для своих предприятий. Последнее особенно ясно в отношениях Андрея Боголюбского и Всеволода Юрьевича к князьям Муромо-Рязанским и Смоленским. Владимирские князья посылают их со своими войсками в походы, низводят их до положения своих подручников. Оправдания своему засилью они ищут в традиционной идее старейшинства, которое Андрей «отделил» от Киева, а Всеволод определеннее привязал к «великому княжению Владимирскому». Однако при этом подлинный смысл «старейшинства во всей братии, князьях русских» претерпел существенное искажение. Прежнее, киевское старейшинство и оправдывалось и питалось общерусскими интересами Киевской Руси, прежде всего – насущной задачей борьбы с половцами, а суздальское старейшинство стало силой, понуждавшей «братью» служить политике, задачи которой либо были им чужды, либо даже противоречили их собственным интересам. Лишь по принуждению служат смоленские Ростиславичи Андрею и Всеволоду против Новгорода и князей Черниговских. А в земле Муромо-Рязанской, особенно после ее распада на две княжеские вотчины – муромскую Святославичей и рязанскую Ростиславичей, внутренние смуты дают суздальским князьям повод утвердить на основе своего признанного «старейшинства» настоящее господство. Начало властному вмешательству в дела Муромо-Рязанской земли положил еще Юрий Долгорукий, а Всеволод, после попытки «поряд сотворити всей братье» муромской и рязанской (1180 г.), повелел «изымать» неугомонных князей, послал на Рязань княжить сына Ярослава, попытку сопротивления сурово усмирил разорением Рязани и большим выводом людей в Суздальщину, а Муром отдал пронскому князю. Подчиняя себе рязанских и муромских князей, великий князь Всеволод брал на себя оборону муромо-рязанских пределов. В 1183 г. видим его в походе на волжских болгар с князьями Рязанскими и Муромскими; в 1199 г. он идет с сыном Константином на половцев, доходит до их зимовищ возле Дона⁶⁸. Борьба со степными кочевниками и с

⁶⁸ ПСРЛ. Т. VII. С. 96; Лаврентьевская летопись. С. 391.

соседней мордвой держала в постоянном напряжении рязанские и муромские силы, и опора в силах остальной Великороссии была им неизбежной необходимостью. По существу, проявления Владимирского старейшинства обслуживали местную суздальскую политику, и южный поэт был прав в укоризне Всеволоду: «Ни мыслию ти прилетети издалеча, отгня стола поблюсти». Судьбы Южной Руси не привлекали организующей энергии Всеволода; проявления его властного вмешательства в южные дела лишь ускоряли и обостряли политическое разложение Киевской Руси и связаны, прежде всего, с его смоленскими и черниговскими отношениями.

И смуты-усобицы, потрясшие Ростовско-Суздальскую землю по смерти Всеволода (1212 г.), не разбили ее единства, не сломили «великого княжения Владимирского». Соперничество двух Всеволодовичей, Константина и Юрия, закончилось, после непрочных договоров 1212 и 1213 гг., компромиссом 1217 г.: «и седе Костянтин в Володимере на столе, а Юрги Суждали, и бысть радость велика в земли Суждальстей, а дьявол един плакашеся своея погыбели»⁶⁹. В Суздальщине создается положение, напоминающее соправительство старших Ярославичей в Киевской Руси⁷⁰. Как при первом соглашении (1212–1213 гг.), когда «старейшинство» осталось за Юрием, так и после 1217 г., когда оно перешло к Константину, положение младших князей определяется «порядом» двух старших. Так, Юрий вывел в 1213 г. Владимира Всеволодовича из Москвы и послал его в «Русский Переяславль, на отчину свою», а когда он вернулся из половецкого плена в Суздальщину к братьям, они «даша ему Стародуб и ину властью»⁷¹. Юрий, утвердившись на великом княжении по смерти Константина, крепко держит старейшинство над младшими князьями, посылает в походы братьев, сыновей и племянников. В 1229 г. «Ярослав усумнеся брата своего Юргя, слушая неких лъсти, и отлучи от Юргя Константиновичи три, Василька, Всеволода, Володимера, и мысляшетъ противитися Юргю, брату своему, но Бог не попусти лиху быти, благоразумный князь Юрги призва их на снем в Суздаль, и исправивше все нелюбие межю собою, и поклонишася Юрью вси, имуще его отцем себе и господином»⁷².

Сильны еще общие интересы Ростовско-Суздальской земли; кругозор суздальской политики еще слишком широк, и ее напряженность слишком значительна, чтобы во внутреннем строе земли могли получить перевес тенденции к вотчинному дроблению княжого владения. Крепнет связь владимирского великого княжения с Новгородом в энергичной деятельности князя Ярослава Всеволодовича. Ярослав еще при отце был опорой суздальского влияния вне ее пределов – в южном Переяславле, в Рязани. С 1215 г. он появляется на новгородском горизонте в двойственной, с точки зрения новгородцев, роли крутого борца за силу княжеской власти против роста новгородской вольности и крупного деятеля в борьбе с западными врагами и в покорении финских племен. Для суздальского князя тут, очевидно, никакой двойственности не было: он вел свою, не новгородскую политику. Эту новгородскую деятельность Ярослава нет основания рассматривать как его личное, «опричное» дело. За ним стоят великий князь Юрий и вся братия, суздальские князья. По временам, хоть и неудачно, его сменяет на новгородском столе Всеволод Юрьевич (1221, 1224 гг.); великий князь Юрий посылает в Новгород то сына, то, по просьбе новгородцев, Ярослава⁷³, то дает им шурина своего Михаила Черниговского, взяв с них окуп в 1224 г. Суздальские полки ходят на выручку новгородцев и псковичей против немцев и литвы, на чудь, емь и корелу. Новгородцы и псковичи дорожили этой помощью, но

⁶⁹ Лаврентьевская летопись. С. 415 (1212 г.), 416 (1213 г.) и 418 (1217 г.).

⁷⁰ Пресняков А. Е. Княжое право. С. 43–45. Юрий и Константин действовали по соглашению с Ярославом Всеволодовичем.

⁷¹ Лаврентьевская летопись. С. 416 (1213 г.) и 420 (1218 г.).

⁷² Там же. С. 429 (1229 г.).

⁷³ Новгородцы «послаша к великому князю Юрью, глаголюще: „аще не хочещи у нас держати сын свой, то вдай нам брата своего“, и вдасть им брата своего князя Ярослава» (ПСРЛ. Т. VIII. С. 129, под 1222 г.).

тяготились самостоятельностью княжеской политики на западной границе, так как Ярослав не всегда считался с их местными условиями и интересами⁷⁴.

А на востоке Юрий с братьями и племянниками ведет борьбу против мордвы, которая в эту пору проявила значительную не только оборонительную, но и наступательную энергию, и с камскими болгарами⁷⁵; для этой борьбы создан им новый опорный пункт в Нижнем Новгороде. Не забыты и другие традиции суздальской политики: Юрий поддерживает зависимость от Суздальщины южного Переяславля⁷⁶, усиливает свое влияние в Черниговщине, пользуясь свойством своим с князем Михаилом Всеволодовичем⁷⁷. Рязанских князей, плененных Всеволодом Юрьевичем, Юрий отпустил в их отчину, а после злодейского избиения шести князей Глебом и Константином Владимировичами помог Ингварю Игоревичу одолеть братоубийц и утвердиться на рязанском княжении.

Суздальская политика и при Юрии идет по следам Всеволода Юрьевича. Внутренние смуты и многокняжие расшатывают единство Суздальщины, но оно далеко еще не разрушено. С другой стороны, по данным наших источников нельзя установить – для времени до татарского нашествия – какие-либо примеры выделения частей Ростовско-Суздальской земли в вотчинное, опричное владение отдельных князей. В смене княжеских поколений, конечно, намечаются, как бывало и в Киевской Руси, вотчинные связи и притязания отдельных княжеских линий на определенные города и волости, но нет еще фактов вотчинного распада обширной Ростовско-Суздальской земли. История междукняжеских отношений на русском северо-востоке представляет принципиальный интерес только с кончины Всеволода Юрьевича (1212 г.). До этого момента нет и повода ставить вопрос об образовании каких-либо «вотчинных княжений» в Суздальщине.

Планы и распоряжения Всеволода о будущей судьбе его владений известны нам только по таким рассказам современников-летописцев, которые носят явные следы пережитых по смерти Всеволода смут и проникнуты определенными книжническими тенденциями.

Великий князь Всеволод Юрьевич правил столь же «самовластно», как Андрей Боголюбский, младших князей он держал подручниками, исполнителями своей воли. В рассказах о нем летописи устанавливается новая политическая терминология: титул «великого князя» последовательно означает «старейшину» среди русских князей⁷⁸; впервые встречаем в них и обращение князей к великому князю: «господине». Как же представлял себе Всеволод постановку преемства власти – после себя? Повествование, которое дает некоторый ответ на подобный вопрос, находим в летописном своде по списку «мниха Лаврентия»; оно вошло в этот свод, видимо, из ростовского источника, так как явно составлено сторонником князя Константина Всеволодовича. Усердное стремление его обосновать право Константина на старейшинство по кончине отца обличает притом полемическое настроение, навеянное борьбой за это право между братьями Константином и Юрием. Сообщая, как в 1206 г. (6714 г.) Всеволод посылал сына своего Константина на княжение в Великий Новгород, этот повествователь вложил великому князю в уста такую речь: «Сыну мой Костянтин, на тебе Бог положил переже старейшинство во всей братии твоей, а Новгород Великий старейшинство имать княжению во всей

⁷⁴ Характерны упреки псковичей Ярославу в 1228 г.: «Приидоша полка к Ярославу из Переславля в Новгород, хотяше ити на Ригу. Псковичи же, то сведавше, послаша к Ярославу глаголюще: тебе, княже, кланяемся, но ходи к нам, мы с рижаны мир взяли, а на путь с вами не идем; ходили есте к Кольваню и серебро взясте, а правды не учинисте, такоже и в Кеси, а сами отидоша в Новгород, толке раздраживше, и зато нашу братью немцы изошла, а иных в полон свели, аще тако сдумали есте, то и мы противу вас со святою Богородицею» (ПСРЛ. Т. IV. С. 178; Псковская летопись, под 6736 г.).

⁷⁵ 1226, 1228, 1232 гг. (Лаврентьевская летопись. С. 426, 428–429, 437).

⁷⁶ Юрий посылал туда княжить племянника Всеволода Константиновича (1227), брата Святослава (1228).

⁷⁷ В 1226 г. Юрий вмешался в усобицу шурина своего с князем Олегом Курским, ходил ему в помощь с племянниками – Константиновичами – и «створи мир межи ими» при содействии митрополита Кирилла (Лаврентьевская летопись. С. 436).

⁷⁸ Ср. Goetz E. K. Der Titel Grossfürst in den ältesten russischen Chroniken // Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte. Т. I. Кн. 1 и 2).

Русьской земли: по имени твоем тако и хвала твоя: не токмо Бог положил на тебе старейшинство в братья твоей, но и в всей Русской земли, и яз ти даю старейшинство, поеди в свой город». Тут же – изображение в приподнятом, риторическом тоне обстановки поставления Константина на новгородское княжение от руки отца, великого князя: Всеволод вручает сыну «крест честный и меч» – инвеституру на «пасенье людей своих от противных»; провожают его «вся братья его» все бояре отца его и все купцы (или: все мужи отца его и «все людье») и «все послы братья его». Сбитость некоторых черт в этом изложении, например несогласованность личного присутствия братьев Константина и роли их «послов», мешает признать весь рассказ позднейшим риторическим сочинением, а склоняет к мысли, что в нем несколько искаженно отразилась запись, более отчетливая и, вероятно, воспроизводившая нечто действительно бывшее⁷⁹. Торжественно, по этому рассказу, встречают Константина новгородцы «от мала и до велика» с епископом Митрофаном, крестным ходом, ведут его в храм Святой Софии, где и совершен обряд посажения его на стол княжения⁸⁰. Весьма вероятно, что книжник, сторонник Константина, использовал простой рассказ об отъезде Константина в Новгород и его проводах и внес в него ряд многозначительных черт, чтобы создать сцену, которая могла бы соперничать в политической значительности с обстановкой, в какой Всеволод передавал старейшинство Юрию. Существенно не фактическое содержание этой сценки, а вложенная в нее тенденция. Перед нами нечто новое, чуждое Киевской Руси, чуждое и новгородскому летописанию: попытка связать право Константина на великое княжение (на старейшинство не только во всей братье-князьях, но и во всей Русской земле) с его княжением в Великом Новгороде, с тем, что «Новгород Великий старейшинство имать княженью во всей русской земле». Зарождается новая историческая концепция великокняжеской власти, которая, с одной стороны, будет жить в наименовании северно-русским летописанием великого княжения «Владимирским и Великого Новгорода», а с другой – придает особую многозначительность новгородскому преданию о Рюрике, первом князе Русском. Концепция эта, как еще увидим, получила твердую опору в реальном значении, какое имело для великих князей обладание Великим Новгородом.

Но и в данном частном случае в вопросе о Константине и его притязаниях на старейшинство наш книжник не так далеко ушел, по существу, от исторической правды, освещая по-своему отношение к своему князю – его отца Всеволода Юрьевича. Положение Константина при отце было действительно исключительным. В то время как Всеволод держит остальных взрослых сыновей на княжениях вне Суздальщины (в Новгороде, Рязани, Переяславле южном), он Константина отозвал в 1207 г. из Новгорода и «остави у себе», дав ему «Ростов и инех пять городов⁸¹ да ему к Ростову»⁸². Дальнейший ход событий показывает, что тут не было выдела Константину «вотчины» или «удела».

Характерно, что Лаврентьевский свод не сохранил рассказа о столкновении Всеволода с сыном Константином по вопросу о дальнейших судьбах великого княжения. Сведения об этом столкновении дошли до нас только в более поздних сводах, всего полнее в Воскресенской летописи, которая сообщает под 1211 г.: «Посла князь великий Всеволод по сына своего Костянтина в Ростов, дая ему по своем животе Володимер, а Ростов Юрью дая; он же не еха ко отцю в Володимерь, хотя взяти Володимерь к Ростову; он же посла по него, вторицею зва к себе, и тако паки не иде ко отцю своему, но хотяше Володимеря к Ростову»⁸³. Текст этот уже в Никоновской летописи подвергся такому толкованию, которое выдвигало вопрос о соперни-

⁷⁹ Лаврентьевская летопись. С. 400–401. Вероятно, братья провожали Константина часть пути (до реки Шедакши?), а их «послы» и далее?

⁸⁰ Там же. С. 402.

⁸¹ По предположительному мнению А. В. Экземплярского, это были: Кснятин, Углич, Молога, Ярославль и Белоозеро (Великие удельные князья Северной Руси. Т.П. С. 66. Примеч. 215).

⁸² Лаврентьевская летопись. С. 412.

⁸³ ПСРЛ. Т. VII. С. 117; и кратко в Типографской, изд. 1784 г. С. 3.

честве Ростова и Владимира; тут он переделан в речь князя Константина, который говорит отцу: «Понеже много возлюбил мя еси и старейшого мя сына имаши и старейшину мя хочещи устроить, то даждь ми старый и начальный град Ростов и к нему Володимерь; аще не хочеть твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володимерь и к нему Ростов»⁸⁴. Весьма вероятно, что к этому же моменту относится и назначение Ярославу Всеволодовичу – Переяславля, а Владимиру – Юрьева-Польского⁸⁵.

Старейшинство во всей братье Всеволод определенно связывает со столом владимирского княжения, а разногласие с ним Константина в стремлении этого князя сохранить в своих руках и Ростов и Владимир. И Всеволод не отнял у него Ростова, но передал Владимир – Юрию, а с владимирским княжением связанное с ним «великокняжеское» старейшинство.

«Князь великий Всеволод созва всех бояр своих с городов и с волостей и епископа Иоанна и игумены, и попы, и купцы, и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по себе и води всех ко кресту, и целоваша вси люди на Юрии; приказа же ему и братью свою»⁸⁶. В остальном ряд Всеволода остался, надо полагать, тот же. «Летописец Переяславля Суздальского» приводит и наставление Всеволода сыновьям о сохранении ими «одиначества»: «И не мозета ратитися сами между собою, но аще на вас встанеть кто иных князий, то вы вси совокупившеся на них будите, и буди вам Господь помощник и святая Богородица, и молитва деда вашего Георгия и прадеда Володимира и потом и аз благословляю вы». Характерно тут представление о заветах Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого и Всеволода Юрьевича, которыми должны руководиться потомки; представление это долго будет жить и в книжной традиции, и в общественной великорусской мысли: в свое время книжник-летописец, отмечая закрепление великого княжения за Иваном Калитой, вспомнит о нем и запишет, что Иван Данилович получил «княжение великое надо всею русскою землею, яко же и праотец его великий князь Всеволод-Дмитрий Юрьевич»⁸⁷.

Многое изменилось в строе Ростовско-Суздальской земли ко времени кончины Всеволода Юрьевича. Суздаль явно отступает на второй план после недолгого соперничества в земском значении с Ростовом. Рядом с великокняжеским Владимиром стоит Ростов, в котором Константин Всеволодович видит столь же необходимую опору своего старейшинства, как и в стольном Владимире. Его сторонник-летописец, чье изложение определило состав данной

⁸⁴ Этот текст (ПСРЛ. Т. X. С. 63) осторожно ставит альтернативу: либо Владимир к Ростову, либо Ростов к Владимиру; так же осторожно выражается С. М. Соловьев (История России. Кн. I. С. 580): Константину «непременно хотелось получить и Ростов и Владимир». В. И. Сергеевич ловит книжника-летописца на слове «к Ростову» и видит мотив Константина в стремлении вернуть Ростову его прежнее преобладание над Владимиром; то же понимание этого выражения и в Никоновской летописи. Однако оно может и не иметь такого глубокого смысла, а могло быть подсказано просто тем, что в Ростове Константин и до того княжил, а также стилистическим влиянием фразы «и инех 5 городов да ему к Ростову». Вопрос о том, какому из двух городов быть резиденцией князя, мог, однако, и даже должен был, казалось бы, возникнуть в связи, если не с политическим «старейшинством» Ростова (Сергеевич) или «старинными притязаниями ростовцев» (Соловьев), то с церковно-административным значением Ростова. Соединить стольное значение Владимира с утверждением в нем центра церковного управления было мыслью князя Андрея Боголюбского. Весьма вероятно, что фактически митрополиты Ростовско-Суздальские часто пребывали во Владимире, где жил великий князь. Что эти вопросы поднялись с новой силой во время раздоров между Всеволодовичами, видно из того, что в 1214 г. «Иоан, епископ Суздальский, отписася епископы всея земля Ростовская», и тогда князь Константин провел поставление на Ростовскую епископию своего духовника игумена Пахомия, а князь Юрий – поставление игумена Симона – «епископом Суждалю и Володимеру» (Лаврент. лет. С. 416). Однако в 1217 г., когда Константин добился старейшинства над Юрием, он садится «в Володимере на столе», сохраняя за собой и Ростов; Юрий перешел в Суздаль.

⁸⁵ Летописец Переяславля Суздальского (изд. князем М. А. Оболенским во Временнике Московского общества истории и древностей российских. Кн. IX и отд. М., 1851. С. 110) сообщает о «ряде» Всеволода детям: «Тогда же в животе своем розда волости детем своим – большему Костянтину Ростов, а потом Гюргю Володимер, а Ярославу Переяславль, Володимеру Гюргев, а меньшему, Святослава и Иоанна, вда Гюргю на руце река: ты им буди в отца место, а имей я, яко же и аз имех я». С перестановкой в этом тексте Ростова и Владимира (Константину – Владимир, Юрию – Ростов) запись, по-видимому, точно передавала бы первоначальный «ряд» Всеволода, но текст изменен применительно к позднейшим отношениям – в момент смерти Всеволода. На это указывает подчеркнутое старшинство Константина и поручение Юрию только младших, еще малолетних, Святослава и Ивана Всеволодовичей.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. VII. С. 117.

⁸⁷ Новгородская летопись по харатейному списку. Изд. 1888 г. С. 437.

части Лаврентьевского свода, вовсе опустил сообщение о передаче старейшинства Юрию и о наделении княженьями Ярослава и Владимира, словно в «ряде» Всеволода и речь-то шла только о великокняжеском преемстве. Этот летописец выражал, очевидно, ростовские тенденции, стремления ростовского боярства. Но общественные силы, с которыми приходилось считаться княжеской власти в Ростовско-Суздальской земле, не укладываются в представление о боярстве одного города. Вспомним еще раз, как по смерти Андрея Боголюбского судьбы земли решались на съезде во Владимире «Ростовцев и Суздальцев и Переяславцев и всей дружины – от мала и до велика»; переговоры этого съезда с князьями летописец называет «речью дружинной»⁸⁸. Тут не одни бояре действуют, а «вся дружина», то есть «бояре и гридьба и пасынки»⁸⁹. Но бояре вершат судьбами земли. Они призвали на княжение старших племянников Всеволода – Ростиславичей, их винит летописец-владимирец за «многоу тяготу» земле от управления этих князей⁹⁰; и в них вся опора князей⁹¹. Лишь в борьбе с ними утвердил Всеволод свою власть в Ростовско-Суздальской земле, опираясь на свою личную дружину, на владимирцев и на то, «что бяше бояр осталось у него». Среди старших бояр – противников Всеволода выступают поименно, как крупные фигуры, Добрыня Долгий, Матвей Шибутович, Иванко Степанович. Победа Всеволода на Юрьевском поле ознаменована разгромом этого боярства: иные погибли в бою, другие пленены, а села боярские, кони и скот разграблены победителями⁹². И Всеволод правил, «не обинуяся лица сильных своих бояр, обидящих менших и работающих сироты и насилье творящих»⁹³. Однако и он окружен «сильными боярами». Те самые бояре, которые расстроили в разгар княжеской усобицы попытку князей помириться путем раздела владения Ростовско-Суздальской землей⁹⁴, смирились перед силой Всеволода, когда он стал одним великим князем всей земли. Что тут дело шло не только о соперничестве городов, но и о более глубоких особенностях строя Ростовско-Суздальской земли, показывают события 1211 г., когда Всеволод Юрьевич – в новом раздоре между ростовским князем Константином и владимирским Юрием – закрепляет свой «ряд» на многолюдном съезде, который И. Е. Забелину представился «первым Земским собором». Перечень общественных групп на этом съезде вызывает сомнения потому, что текст⁹⁵ дошел до нас в поздней редакции⁹⁶. Но общий смысл известия едва ли должен терпеть от таких сомнений: перед нами явление, сходное с тем съездом, какой был во Владимире после убийства Андрея Боголюбского или при проходах Константина Всеволодовича на новгородское княжение в 1206 г.⁹⁷ Такой съезд нужен Всеволоду, чтобы провести то «укрепленье с людьми», которое обеспечило бы осуществление его ряда. Но в Ростовско-Суздальской земле это «укрепленье» не с вечем стольного города, а со всей землей на

⁸⁸ Лаврентьевская летопись. С. 353.

⁸⁹ Там же. С. 360.

⁹⁰ «А сама князя молода бяста, слушая боляр, а боляре учашуть я на многое имень» (Там же. С. 355).

⁹¹ «А боляре князю тою держажуся крепко» (Там же. С. 356).

⁹² Там же. С. 361–362.

⁹³ Там же. С. 415.

⁹⁴ Всеволод предлагал Мстиславу Ростиславичу помириться на том, что уступал ему Ростов, куда того привела «старейшая дружина», а себе (с братом) сохранял Владимир; «а Суздаль – буди нам обще, да кого восхотят, тот им буди князь» (Там же. С. 361).

⁹⁵ См. выше.

⁹⁶ Словом «дворяне» книжник XVI в., вероятно, передал слова «и всю дружину» или «гридьбу и пасынки». Слово «купщи» имеет часто в старых летописных текстах широкое значение – горожане (ср. формулу новгородских договорных грамот: «кто купец тот в сто, а кто смерд а тот потягнет в свой погост»; «ни смерда, ни купчины» значит: никого из населения земли).

⁹⁷ Так понял это известие и составитель Никоновской летописи, пересказав его по-своему: «Князь велики Всеволод Юрьевич созва вся бояре свои и начя смышляти о сыне своем Константине, и много о сем словес быша, и но може како уставити о нем; таже посла по отца своего Ивана епископа и много советовавше о сем, но убо князь велики Всеволод восхоте дати Володимер другому сыну своему князю Юрию. И тако посла по сына своего по князя Юрия и даде ему град Владимир со всеми бояры и со всеми людьми и всех укрепи к нему крестным целованием и даде ему и вся дети своя, а его братью» (ПСРЛ. Т. X. С. 64). Ср. Княжое право. С. 149–152.

съезде «всех бояр с городов и волостей», духовенства с епископом во главе, и всей дружины при собрании горожан – купцов и «всех людей»⁹⁸.

Назначение особых княжений отдельным сыновьям не противоречило по-прежнему представлению о единстве земли, во главе которой стоит старейшина во всей братии. За этим старейшиной утвердился в Ростовско-Суздальской земле титул «великого князя», и его политическое значение укреплено крестоцелованием «всех бояр» и всей дружины – не одного лишь стольного города. Мы видели, что Юрий Всеволодович, укрепившись на великом княжении по смерти старшего брата, ведет подлинную «великокняжескую» политику, руководя всеми силами Ростовско-Суздальской земли. Лишь одно известие о назревшем было в 1229 г. столкновении его с братом Ярославом и племянниками Константиновичами указывает на непрочность этого «единства», поскольку его основа в «одиначестве» князей. Наметившиеся при нем зачатки вотчинного раздела Ростовско-Суздальской земли – лишь позднее, чем на юге, выросли в господствующее явление местной политической жизни. И ни эти зачатки, ни сохранение политического единства при многокняжии, ни столкновения князей с боярством – ничто не дает достаточного основания строить резкую антитезу между югом и севером для XII и начала XIII в., особенно в объяснение, как возникло «удельное» или «вотчинное» дробление политического властвования. Единство обширной земли – прочнее и устойчивее на русском северо-востоке, чем в какой-либо иной русской области; и яснее тут, чем где-либо, выступает опора земского единства в боярстве и сплоченных им общественных силах. «Сильная земля Суздальская» живет своими местными интересами, политическими и торговыми, чем дальше, тем больше отрывая своих князей от более широкого «общерусского» кругозора. Но южный поэт – автор «Слова о полку Игореве» – был прав, когда обратил укоризну в забвении прежних традиций Русской земли не только к Всеволоду Юрьевичу, но и к Ярославу Осмомыслу Галицкому, к волынским Мономаховичам, смоленским и полоцким князьям. Разъединение политических интересов отдельных областей – общая черта русской исторической жизни XII в. Суздальщина становится особым семейным владением одной линии княжеского рода вслед за землями Полоцкой, Галицкой, Черниговской, одновременно со Смоленской и Волынской. Повсюду это обособление областей связано с упадком политического значения «вечевого гражданства» и с усилением княжеской власти. Повсюду наблюдаем усиление влияния бояр на внутренние и внешние судьбы земель-княжений, и борьбу с ними князей «самовластцев». Борьба эта успешнее на севере и дает более прочные результаты, но и тут не приходится говорить о падении политического преобладания «руководящих классов местного общества». Наконец, в стремлении к «подчинению младших родичей, как подручников, старшему князю государю-самовластцу» Андрей Боголюбский и Всеволод Юрьевич идут по следам Владимира Мономаха и Мстислава Владимировича, осуществляя исконную тенденцию старейшинства «в отца место». Князья русского северо-востока сохранили единство своего «великого княжения», построенного на традиционной основе, до грозной години татарского нашествия⁹⁹; пережило оно и эту грозу.

⁹⁸ Ср. для Киевской Руси: приглашение Святополком Изяславичем и Владимиром Мономахом Олега Святославича приехать в Киев: «Да поряд положим о Русьстей земли пред епископы и пред игумены и пред мужи отец наших и пред людьми градскими» (Лаврентьевская летопись. С. 222) или рассказ о передаче Всеволодом Ольговичем киевского стола брату Игорю (Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. II. С. 320).

⁹⁹ Слова в кавычках – Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. I. С. 410.

Глава I

Владимирское великое княжение и вотчинные княжества в XIII в

I

В изучении владельческих отношений потомков Всеволода В. О. Ключевский, следуя точке зрения, установленной С. М. Соловьевым, считал возможным «забыть на некоторое время, что, прежде чем сошло со сцены первое поколение Всеволодовичей, Русь была завоевана татарами». По его мнению, «явления, которые мы наблюдаем в Суздальской земле после этого разгрома, последовательно, без перерыва, развиваются из условий, начавших действовать еще до разгрома в XII в.»¹⁰⁰.

В этом суждении сказалось прямолинейное понимание идеи «органического» развития, характерное не для В. О. Ключевского, а для «юридической школы»; ее своеобразный социологический догматизм ведет к изучению эволюции форм и начал политического строя вне связи с общими условиями политической жизни. А между тем общие условия так глубоко изменились для всего Русского Севера после татарского разгрома и утверждения владычества Золотой Орды, что не могло это изменение не повлиять весьма сильно на уклад внутренних и внешних отношений Великороссии, а стало быть, на деятельность ее правящих сил и тем самым на их строй и положение в великорусской среде. Припомним общеизвестные факты.

Образование Золотоордынского царства подорвало болгарские отношения Суздальщины и если не совсем парализовало, то изменило резко к худшему условия поволжской торговли¹⁰¹. Боевое наступление и колонизационное расширение Великороссии на восток надолго остановлены. Наглядным признаком значительного объединения Суздальщины в XIII в. является судьба ее церковного строительства: оно настолько заглохло, что «строительные традиции владими́ро-суздальской архитектуры были уже прочно забыты» к тому времени, когда в Москве возникли опыты их возрождения¹⁰². Связи с Поднепровьем почти вовсе оборваны, хоть и поддерживаются сношения с Юго-Западной Русью. Южный Переяславль исчез с исторической сцены; Черниговщина, погруженная в процесс быстрого распада, стоит – до поры до времени – вне суздальских интересов. Общее сужение кругозора и стеснение активной деятельности

---

¹⁰⁰ Там же. С. 414.

¹⁰¹ При суммарной характеристике «внутреннего состояния русского общества от кончины князя Мстислава Мстиславича Торопецкого до кончины великого князя Василия Васильевича Темного» (*Соловьев С. М. История России. Т. IV. Гл. 3*) С. М. Соловьев пришел к иному заключению о судьбах поволжской торговли в татарскую эпоху: «После утверждения татарского господства, ханы и баскаки их для собственной выгоды должны были благоприятствовать торговле русской... притом же, по прошествии первого двадцатипятилетия, тяжесть ига начинает уменьшаться, и *после* видим значительное развитие восточной торговли и волжского судоходства; даже с достоверностью можно положить, что утверждение татарского владычества в Средней Азии, также в низовьях Дона и вступление России в число зависящих от Орды владений – очень много способствовало развитию восточной торговли» (*История России. Кн. I. С. 1234*). Однако временем «самым благоприятным для восточной торговли» С. М. Соловьев признал «время от Калиты до Дмитрия Донского» и приводит пример, указывающий на торговую значительность Нижнего Новгорода. Некоторый подъем русской восточной торговли (как и начало возрождения колонизационного движения на восток и русской боевой силы на восточной окраине Великороссии) связан – ко второй четверти XIV века – с образованием Нижегородского великого княжества (тот же пример – характерен для недолговечной его самостоятельности). Но подъем этот – вне связи с татарским покровительством торговле, и едва ли есть у нас основание говорить о столь последовательной экономической политике ордынских властей.

¹⁰² Ф. Ф. Горностаев («Очерк древнего зодчества Москвы» – в «Путеводителе по Москве», изд. Московским архитектурным обществом) отмечает, что «за это время перерыва» известны лишь постройки – Святого Спаса в Даниловом монастыре под Москвой (в 1272 г.) и Святого Спаса в Твери (в 1280–1290 гг.).

– необходимая предпосылка для изучения политического распада и измельчания внутренней жизни русского северо-востока. В стесненных условиях, подрывавших постановку более широких задач деятельности, падает значение владимирского великого княжения, слабеет централизующая политическую жизнь Суздальщины власть великих князей. На западе крепнет независимость Новгорода, несмотря на все усилия «низовских» князей поддержать свою власть в Новгороде; замирает на время их наступление к северу и северо-востоку, и Новгород не испытывает, как прежде, постоянного утеснения своих путей и даней. Время великих князей Ярослава Всеволодовича, его сыновей и внуков сложный период заката силы великого княжения владимирского. Постепенно назревает агония великокняжеской власти старого типа; агония эта вызвана упадком интересов, которые питали потребность объединения, давлением татарской власти, усилением самостоятельности Великого Новгорода. Эти явления вырывали у владимирских великих князей почву для усиления своей власти над младшими князьями и ее оправдания широкой политикой, которая была бы делом всей Северной Руси и питалась бы общими интересами Великороссии.

Мы почти лишены возможности учесть реальные последствия Батыева погрома. Его удары были направлены преимущественно на города; но и сельское население, поскольку не успевало укрыться в лесах, шло в полон, гибло от избиений, теряло скот и имущество, лишалось крова в пожарах. «Несть ни места, ни вси, ни сел тацех редко, идеже не воеваша в Суздальской земли» татарские загоны, твердят летописцы. Разорение было огромно. Но, как обычно бывает, единовременный, хотя и весьма тяжкий удар загладился бы сам по себе, сравнительно скоро. Тяжело легла на Великороссию с 40-х гг. XIII в. ордынская власть. Тяжкую память о ней наши источники усердно затушевывают. Однако надо признать, что в первое время она была много ближе и тягостнее для великорусской жизни, чем мы ее себе обычно представляем. По стольным городам водворились татарские баскаки с воинской силой, чтобы держать в повиновении князей и народ и обеспечить сбор дани¹⁰³. В орде русские княжества ведались даругами, чьи наезды на Русь, как и других «послов» ханских, были и разорительны, и унизительны. Тяжкий произвол чужой и чуждой власти навис над Северо-Восточной Русью. Попытки сопротивления насильникам, вспыхивавшие в 50-х и в 60-х гг. XIII в., вызывали новые наезды и суровые репрессии. Руси пришлось смириться перед властью хана и приспособляться к новым отношениям. Давление новых условий сказывается на судьбе Ярослава Всеволодовича и на деятельности Александра Ярославича.

Только что схлынула к югу татарская сила. Ярослав занял великое княжение после брата, погибшего на реке Сити, и тотчас вступает на прежние пути великокняжеской политики. В 1239 г. Ярослав защищает Смоленск от Литвы и водворяет на смоленском княжении местного вотчича – Всеволода Мстиславича. Защита западных пределов лежит на Ярославиче Александре. В 1239 г. он с новгородцами ставит город на р. Шелони, победоносно отражает в 1240 г. нападение шведов, в 1242 г. набег на Псков немецких рыцарей. Подобно прежней деятельности Ярослава – новгородского князя, эта западная борьба Александра – проявление политики владимирских великих князей. Дорожа «низовской» обороной, новгородцы тяготились неизбежным, при таких условиях, усилением своей зависимости от княжеской власти. Но в трудную годину выхода не было. Когда Александр, «распревся с новгородци», ушел в 1241 г. «со всем двором своим» из Новгорода в Переяславль, новгородцы тотчас послали к Ярославу просить у него сына на княжение; великий князь «дать им сына своего князя Андрея», но они новым челобитьем просили прислать Александра, уstraшенные набегом литвы, немцев и чуди; «великий же князь Ярослав дать им сына своего Александра опять». На оборону Пскова Александр

¹⁰³ Особняком стоит известие: «Приехаша численици, исщетоша всю землю Суждальскую и Рязаньскую и Муромьску, и ставиша десятиники и сотники и тысяициники и темники». Об этой организации больше нет сведений (Лаврентьевская летопись. С. 451; ПСРЛ. Т. VII. С. 161).

идет, «поим с собою брата своего и вся воя своя». Так и в 1245 г., когда Литва совершила набег на окрестности Торжка и Бежиц, против них свешать не только новоторжская и новгородская рати, но и «низовские» воеводы с тверичами и дмитровцами, а довершает победу Александр Ярославич, отпустив новгородскую рать, «своим двором»¹⁰⁴.

Осенью 1242 г. (в конце 6750 – начале 6751 г.) врезывается в судьбы Великороссии новая сила – татарская власть. Ханский посол потребовал приезда Ярослава Всеволодовича на поклон хану Батю в Золотую Орду; «и прииде пожалован»: хан признал за ним, по сообщению наших летописей, старейшинство над всеми князьями Русской земли. Ярослав ездил в Орду с сыном Константином, которому пришлось, по ханскому приказу, ехать в далекую Монголию на поклон великому хану. По возвращении Константина в 1245 г. Ярославу пришлось опять ехать к Батю, и из Орды – в Монголию, где он «многое истомление подял» и на обратном пути умер «нужною смертью».

Новое основание княжеского права – ханское пожалование – коснулось не одного владимирского княжения. По возвращении из Орды великого князя Ярослава и, вероятно, в силу привезенных им ханских распоряжений поехали в Орду «про свою отчину» князья – потомки Константина Всеволодовича – Владимир Константинович, два Васильевича Борис и Глеб и Всеволодович Василий; Батый утвердил их отчинные права: отпустил их, «рассудив им кому-ждо в свою отчину»¹⁰⁵. Во вторую ордынскую поездку великий князь Ярослав отправился «с своею братьею и с сыновци», а вернулись «из Татар в свою отчину» его братья, Святослав и Иван, с племянниками; Ярослав же был послан Батыем в Монголию, в путешествие, стоившее ему жизни¹⁰⁶.

Батый утвердил внутренний распорядок княжого владения среди русских князей. Для Константиновичей их вотчиной были владения отца, который перед кончиной (1218 г.) дал сыну Васильку Ростов, а Всеволоду – Ярославль¹⁰⁷; о каком-либо наделении младшего – Владимира – нет упоминания в наших источниках¹⁰⁸; позднее видим его князем на Угличе. При великом князе Юрии эти ростовские отчичи выступают «за один», втроем¹⁰⁹. Василько и Всеволод погибли в татарское лихолетье, оставив малолетних сыновей: Василько – княжичей Бориса и Глеба, Всеволод – Василия. Юные князья ездили в 1244 г. с дядей Владимиром Константиновичем в Орду «про свою отчину», и Батый, по характерному выражению летописи, «рассудил», чтобы каждый из них ехал в свою отчину. Осторожнее не придавать решительного зна-

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. VII. С. 140 и 152.

¹⁰⁵ Лаврентьевская летопись. С. 447. Быть может, лучше чтение: «рассудив им кому-ждо свою отчину», как например, в Роговском летописце (ПСРЛ. Изд. 2-е. Т. XV С. 31).

¹⁰⁶ Конец Ярослава связан с глухим известием о каком-то доносе на него: «Обажен бо бысть царю Федором Яруновичем» (ПСРЛ. Т. VII. С. 156). С. М. Соловьев (Кн. I. С. 832–833) приводит рассказ Плано Карпини о том, что Ярослав был отравлен ханшей, и ставит его в связь с доносом Федора Яруновича, объясняя смерть Ярослава «наговором родичей, следствием родовых княжеских усобиц». В «Истории отношений между русскими князьями Рюрикова дома» (с. 262–263) Соловьев подозревал интригу ростовских Константиновичей. Но мы ничего не знаем о какой-либо вражде с ними Ярослава. Больше было бы поводов (хотя тоже недостаточно для определенного заключения) сопоставить эту темную историю с враждой Ярославичей против дяди Святослава и с тем, что, судя по нашим летописям, донос Яруновича совпал с первым приездом в Орду Святослава, когда князья все вместе предстали пред ханом. Ср. ниже – о неопределенности известий относительно владений Святослава.

¹⁰⁷ Лаврентьевская летопись. С. 420. При великом князе Юрии Всеволодовиче Василько и Всеволод сидят на своих вотчинных столах послушными подручниками дяди – великого князя, участниками его походов; о временном раздоре в 1229 г. упоминалось выше.

¹⁰⁸ Судя по известию, как в 1229 г. Ярослав Всеволодович «отлучи от Гюргя Константиновича три – Василька, Всеволода, Володимера», Владимир Константинович (15-летний) считается участником политических выступлений; вероятно, что он тогда же занял углицкий стол по «ряду» с братьей; может быть, согласно предуказанию отца, о котором говорят некоторые родословные (ср. *Экземплярский*. Великие и удельные князья Северной Руси. Т. II. С. 15 и 125).

¹⁰⁹ Так в 1229 г. (см. выше); так в 1230 г. «благочестивии князи Василько и Всеволод и Володимер послаша к отцю своему Гюргю и к епископу Митрофану но Кирила, игумена и архимандрита монастыря святые Богородица Рожества, дабы и пустил на епископство к Ростову» (Лаврентьевская летопись. С. 431).

чения этому отдельному выражению¹¹⁰ и усмотреть в решении хана лишь утверждение *status quo*, согласно летописному тексту, который сообщает, что в «Ростове седоста Васильковичи Борис да Глеб на княжение» еще до первой поездки великого князя Ярослава в Орду; у нас нет сведений о спорности прав Васильковичей на Ростов¹¹¹; за ними признано их вотчинное право, как признавалось оно в старину за «Рогволожими внуками» на Полоцк или за Ольговичами на Чернигов. Василий Всеволодович остался при своем Ярославле; своеобразной судьбы этого княжества по его смерти (ум. в 1249 г.) придется коснуться ниже. Дядя этих князей, Владимир Константинович, который мог бы претендовать на старейшинство среди них, по-видимому, мирится со скромным положением углицкого князя¹¹²; эта ветвь ростовского княжья сошла со сцены с Владимировыми сыновьями, и связь Углича с ростовской отчиной оказалась непорванной; эта отчина распадется, если не считать утраты Ярославля, только под московским давлением.

Младших сыновей – Святослава и Ивана – великий князь Всеволод Юрьевич поручил перед кончиной своей их брату Юрию. Юрий дал в 1212 г. Святославу Юрьев-Польский¹¹³, но о княжении Ивана Всеволодовича имеем лишь указание под 1298 г., что ему великий князь Ярослав дал Стародуб¹¹⁴. Эти княжения и стали вотчинами для потомства обоих князей.

Все остальные волости владимирского великого княжения – в руке великого князя Ярослава. Но в его власти и все княжие силы великого княжения; владельческий раздел в эту пору еще не знаменует политического распада. Семена этого последнего в недрах Владимирского великого княжества – те же, что в Киевской Руси времен сыновей и внуков старого Ярослава, а перевес великокняжеской силы над младшими князьями не меньше (скорее – больше), чем во времена Мономаха и Мстислава Великого; и перед ханом Батыем великий князь Ярослав выступает как старейшина «всем князем в русском языке»¹¹⁵, окруженный «братьями и сыновцами». Гарантия отдельных княжеских вотчин ханским пожалованием лишь утверждала права, признанные обычаями княжеского рода, и только в будущем грозила стать фактором политического упадка Владимирского великого княжества и поводом к усиленному вмешательству ханской власти в русские отношения¹¹⁶.

Стол владимирского княжения, с которым – со времен Всеволода Юрьевича – связано великокняжеское старейшинство, занял исключительное положение в ряду княжений Северной Руси, подобное тому, какое в старину занимал «золотой стол» киевский. В притязаниях на него сталкивались права на старейшинство в князьях русских с вотчинными воззрениями. Эта двойственность княжеских традиций и стремлений определила в значительной мере междукняжеские отношения по смерти Ярослава Всеволодовича. Бесспорной вотчиной его сыновей было только Переяславское княжество. Он получил его от отца еще при его жизни¹¹⁷, затем

¹¹⁰ Книжник-составитель Никоновской летописи так истолковал это выражение: Батый, «розслушав их о сем и разсудив, даде им вотчину их» (ПСРЛ. Т. X. С. 129).

¹¹¹ ПСРЛ. Т. IV. С. 34. Текст так наз. «Летописи по Академическому списку» (изд. при Лаврентьевской летописи. С. 495): «отда Ростов, Суздаль брату Святославу» явно испорчен из: «отда Ярослав, Суздаль брату Святославу».

¹¹² О нем крайне скудны упоминания. Владимир умер в 1249 г. во Владимире, «везоша его в его отчину на Угличе поле и положиша и в церкви Святого Спаса» (ПСРЛ. Т. VII. С. 159). «На Углича» умер сын его Андрей в 1261 г. (Там же. С. 162), а в 1285 г. умер «Роман Володимеричъ Угличский» (Там же. С. 178). Об этих князьях ничего, кроме дат их смерти, не знаем.

¹¹³ ПСРЛ. Т. VII. С. 118.

¹¹⁴ Лаврентьевская летопись. С. 444; ПСРЛ. Т. VII. С. 144; возможно, что Иван и раньше княжил в Стародубе, что так представлял себе дело автор данной записи в Лаврентьевской летописи: «отда Ярослав Ивану Стародуб» вместо обычного «дать», как выражаются (поправляют?) позднейшие тексты (например Воскресенская летопись).

¹¹⁵ Столь необычное выражение Лаврентьевской летописи (с. 447) как бы передает по своему татарскую фразеологию?

¹¹⁶ Быть может, в глухих указаниях летописной традиции о причинах гибели Ярослава Всеволодовича можно усмотреть намек на эту опасность. Но в истории Александра Невского увидим и другую сторону тех же русско-татарских отношений: политика ханов с ранних времен вступает на путь попыток утвердить ордынское владычество над русским улусом усилением великокняжеской власти в руках единого представителя Руси перед ханом Золотой Орды.

¹¹⁷ В 1206 г., когда Ярославу пришлось уйти из Переяславля южного, Всеволод «посадил» его в Переяславле-Залесском

по его предсмертному ряду. «Летописец Переяславля Суздальского»¹¹⁸ поместил под 1213 г. рассказ о прибытии Ярослава в Переяславль с тем, что отец «удал» ему переяславцев, а его им «вдал на руце», и о том, как переяславцы ему крест целовали. Приходилось затем Ярославу княжить и в Новгороде и в Рязани, но Переяславль неизменно ему «свой» город. Та же ближняя связь сохраняется и во время великого княжения Ярослава: в Переяславле княжит старший Ярославич Александр, и город остался вотчинным владением его потомков, именно старшей линии, перейдя к сыну его Дмитрию и внуку Ивану. Однако, как еще увидим, тесная и длительная связь переяславского стола с великим княжением наложила особую печать на отношение князей к Переяславлю и придала ему несколько исключительное значение¹¹⁹. По выделении Ростова в отчину Константиновичей особую связь с великокняжеским столом сохранил из более значительных городов – и Суздаль. Ярослав Всеволодович отдал его брату Святославу, но Суздаль не стал вотчиной для Святославичей, подобно Юрьеву-Польскому; по-видимому, Святослав его утратил вместе с великим княжением¹²⁰, а сама передача Святославу Суздаля могла быть связана с рядом между братьями о будущей судьбе великокняжеского стола.

По смерти Ярослава «Святослав князь, сын Всеволож, седе в Володимери на столе отца своего, а сыновцы свои посади по городом, якоже бе им отец урядил Ярослав». Однако Ярославичи не примирились с переходом Владимира и всего великого княжения к дяде Святославу. Андрей Ярославич и вслед за ним Александр поехали в том же 1247 г. к хану Батюю, а хан послал их в Монголию «к Кановичам», наследникам великого хана. Святослав не дождался их возвращения на великом княжении; «седе лето едино» и согнал его с Владимирского стола третий Ярославич, Михаил Хоробрит.

По отрывочности дошедших до нас сведений об этой поре вопрос о ближайших мотивах смуты, о том, например, стоит ли она в связи с темной историей гибели Ярослава Всеволодовича, неразрешим, но, предположительно, как выше было указано, такая связь представляется вероятной. Впрочем, даже признание этой вероятности мало чему помогает, раз мы не знаем существа разыгравшейся в Орде интриги и содержания двукратных переговоров Ярослава Всеволодовича с ханом Батыем. Одно лишь поведение сыновей Ярослава может навести на предположение, что, быть может, уже их отец, утвердив свое положение относительно Золотой Орды, сделал попытку установить преемство на Владимирском столе, в обход притязаний боковых линий, за прямым своим потомством. Такие попытки – не новость в междукняжеских отношениях: если не вспоминать о старом Ярославе, примеры тому дают действия Владимира Мономаха, старшего Мономашича Мстислава, да и всей старшей линии Мономахова рода¹²¹.

Как бы то ни было, таковы притязания самих Ярославичей. И они имели успех, в несколько неожиданной (быть может, более неожиданной для нас, чем для них)¹²² форме. Дело, если судить буквально по летописной записи, какую дает нам Лаврентьевская летопись, решалось не в Золотой Орде, а при великоханском дворе. Хановичи «приказаша Олександрови Киев

(Лаврентьевская летопись. С. 406); он участвует в отцовских походах во главе переяславцев (Там же. С. 410).

¹¹⁸ Там же. С. 110.

¹¹⁹ В. Экземплярский отмечает ту же особенность и для XII в.: «Нельзя не заметить, что Переяславль, по образовании великого княжества Владимирского, был как бы необходимой принадлежностью последнего: великие князья сажали в нем или сыновей своих или самых близких родичей», а по временам Переяславль примыкал «к личным владениям великого князя» (Указ. соч. Т. II. С. 4).

¹²⁰ В. Экземплярский полагает, что Святослав владел Суздалем до самой смерти, то есть до 1252 г.; считает, что Суздаль по смерти Святослава присоединен к великому княжению, как «выморчный удел», хотя тут же сообщает о переходе Юрьева-Польского к Святославищу Дмитрию (Т. II. С. 257–258); говорит и о какой-то «принадлежности» Юрьева к Суздалю (С. 23. Примеч. 57).

¹²¹ Ср. Княжое право. С. 80–81; ср. о Всеволоде Ольгович (Там же. С. 89–91).

¹²² Представляется вероятным видеть тут черту ханской политики, искавшей способа утвердить за собой господство и над Южной и Западной Русью; однако форма могла быть подсказана только русскими людьми, но, конечно, не Александром Ярославичем.

и всю Русскую землю, а Андрей седе в Володимере на столе»¹²³. Как представлялся этот раздел на деле, трудно угадывать; видно только, что Новгород – под властью Александра, а Переяславль перешел от него к Андрею¹²⁴. Поездка Святослава Всеволодовича в Орду, если она имела целью добывание великокняжеского стола, не привела ни к чему; ему пришлось доживать свой век на Юрьеве-Польском. Так сложилось положение на Руси в 1249 г. На следующий год прибыл в Суздальскую землю из Киева митрополит Кирилл, и состоялась свадьба Андрея Ярославича с дочерью князя Галицкого Даниила Романовича; совершив венчание, митрополит ездил и к Александру в Новгород. А то были годы, когда Даниил Галицкий «рать держаше с Куремсою»: в начале 1250-х гг. наблюдаем сближение между Южной и Северной Русью, которое нельзя не связать с планами борьбы Даниила против татар. Князь Андрей «здума со своими боярами бегати, нежели цесарем [то есть ханам] служити», сообщает летописец под 1252 г., когда хан послал на Андрея рать свою с царевичем Неврюем. А в то же время «иде Олександр, князь Новгородский, в татары, и отпустиша и с честью, давшие ему старейшинство во всей братии его»¹²⁵. Александр не примкнул к замыслам брата, а поспешил в Орду, чтобы отклонить крушение своей власти и большую беду для Руси. Андрей, преследуемый татарами¹²⁶, бежал в Новгород, а затем на время скрылся за морем, в Швеции. Александр Ярославич стал владимирским великим князем.

Волнения не утихли после бегства князя Андрея. Сквозь отрывочные записи, какие сохранили дошедшие до нас летописные своды, выступают черты напряженной тревоги и жажды противодействия, с какими Русь встретила первые моменты организации татарского владычества. С этими настроениями, а не с какими-либо междукняжескими счетами правильнее связывать известие о том, что в начале 1254 г. тверской князь Ярослав, «оставя свою отчину», ушел «с боярами своими» в Ладогу и во Псков¹²⁷. Отсюда его призвали к себе новгородцы, выгнав из города Александра сына Василия. Василий удержался в Торжке до прибытия великого князя Александра, и новгородцы смирились, приняли его снова на княжение¹²⁸. Та черта этих волнений, что за Василия Александровича стояли бояре новгородские, а против него – черные люди, связывает их с дальнейшими событиями, когда на Русь явились татарские «численники». В татарское «число» были ими сперва положены Суздальская, Рязанская и Муромская земли, причем татары «ставиша десятники и сотники, и тысящники, и темники». Затем пришел черед исчислению Новгородской земли. По первым же вестям об этом «мятоса людие через все лето в Новгороде», а когда в Новгород прибыл великий князь Александр с татарскими послами, из Новгорода бежал во Псков сын его Василий. Александр вывел сына из Пскова, сослал его «на Низ» и сурово покарал его советников, «кои князя Василья на зло повели»¹²⁹. Однако новгородцы не допустили сбора «десятины и тамги»: «не яшася по то», хотя

¹²³ Лаврентьевская летопись. С. 448.

¹²⁴ Александр при дальнейших событиях – в Новгороде, а татарское нападение в 1252 г. настигает Андрея у Переяславля, и тут, в Переяславле, захватили и убили жену князя Ярослава Ярославича и его воеводу Жидислава, а детей его захватили в плен; по-видимому, князь Ярослав примкнул к планам брата Андрея (Лаврентьевская летопись. С. 449–450; ПСРЛ. Т. VII. С. 60). Ср. замечания С. М. Соловьева (Кн. I. С. 839).

¹²⁵ Лаврентьевская летопись. С. 449. Никоновская летопись, а за ней историки XVIII и XIX вв. приняли сопоставление этих известий за основание приписать самое нападение татар на Андрея – проискам Александра. Однако поход Неврюя лишь часть предпринятых татарами операций: в 1253 г. Куремса начинает наступление на Даниила Галицкого, законченное затем Бурундаем. Татары в этот момент опасности для их владычества на Руси отнюдь не орудие княжеского соперничества.

¹²⁶ Лаврентьевская летопись не говорит о битве, позднейшие своды смягчают впечатление обидной беспомощности, вводя в рассказ «сечу велику» (ПСРЛ. Т. VII. С. 159).

¹²⁷ Лаврентьевская летопись. С. 450. Сама терминология этого известия вызывает на сопоставление отъезда Ярослава с бегством Андрея.

¹²⁸ Там же. С. 450–451. Полнее ПСРЛ. Т. VII. С. 160–161.

¹²⁹ Неясно, кто эти советники князя Василия. Новгородская I дает такой текст: «Князь Александр выгна сына своего из Плескова и посла в Низ, а Александра и дружину его казни: овому носа урезаша, а иному очи выимаша, кто Василья на зло повел» (С. 278; то же Воскресенская летопись – ПСРЛ. Т. VII. С. 161); Никоновская летопись (т. X, с. 142) выпускает

дали дары царю и послов отпустили с миром. Только через год страх нового татарского нашествия на Русь привел новгородцев к горькой покорности; и то «бысть мятеж велик в Новгороде», когда «раздвоишася людие и створиша супор: большие веляху меньшим ятися по число, а они не хотяху»¹³⁰. Великому князю Александру пришлось дать стражу для охраны ордынских послов, но дело, в конце концов, уладилось: «окаянные» уехали «вземше число», а великий князь Александр посадил в Новгороде на княжение сына Дмитрия. Вскоре поднялось волнение против «насилия поганых» по городам «низовской» земли: народное восстание выгнало из Владимира и Суздаля, Ярославля и Переяславля «бесермен» – откупщиков татарской дани и их сборщиков. Великий князь Александр поспешил в Орду к хану, «дабы отмолил люди от беды». Энергия и власть великого князя удержали русских людей от безнадежной траты сил в разрозненных вспышках противодействия иноземному игу. Для этого пришлось преодолеть не только брожение народного негодования, но и глубокие разногласия в княжеской и боярской среде¹³¹. Александр провел свою ордынскую политику: и в отношениях Руси к власти хана – он подлинный великий князь всей Северной Руси¹³².

Таким же носителем великокняжеской власти видим Александра Ярославича и во внутренних делах Северной Руси, и в ее внешних отношениях. Его сын Василий отражает в 1253 г. набег Литвы на новгородские владения; в 1256 г. Александр, по вестям из Новгорода, что шведы ставят укрепления на реке Нарове, ходил «со всею силою, с новгородци и суждальцы» и «повоева Поморие все»; в тяжелую годину восстания против татар Александр, уезжая в Орду к хану, отправил брата Ярослава и сына Дмитрия и «все полки с ними» воевать вместе с новгородцами и союзной Литвой на Юрьев против немцев¹³³. Неизбежная тягота борьбы с внешним врагом и невозможность вести ее на два фронта должны были сильно повлиять на политику Александра по отношению к татарам.

И внутри владимирского великого княжения еще не видно черт политического распада. Ростовские князья, братья Васильковичи, сыновья Василько Константиновича, по смерти отца «седоста в Ростове на княжении»; с 1251 г. младший, Глеб, княжит на Белоозере, но этим не

непонятного «Александра», и потому «дружина» стала в ее тексте дружиной князя Василия. Не новгородцы ли этот Александр и его дружина? Указатель «Новгородская летопись по синодальному харатейному списку» превратил этого Александра в «начальника дружины князя Василия Александровича»!

¹³⁰ Полный горечи «менших», рассказ с жалобой на бояр, что при установлении дани они «творяху себе легко, а меншам бе зло» (ПСРЛ. Т. VII. С. 162). Хронология этих известий сильно спутана и несогласованна в разных летописных компиляциях.

¹³¹ Разногласия эти глубоко захватили влиятельные общественные группы: князь Андрей Ярославич «здума со своими бояры», что лучше покинуть княжение и родину, чем служить ханам; Ярослав бежал из «отчины» – «с боярами своими»; в Новгороде борются две партии: одна склоняет новгородцев к покорности требованиям хана и великого князя Александра, другая – наводит князя Василия Александровича на «зло» сопротивления политике великого князя-отца.

¹³² Крайняя скудость наших сведений о русско-татарских отношениях XIII и начала XIV в. (едва ли случайная, так как замалчивание или, по крайней мере, смягчение фактов, тягостных или противоречащих воззрениям и тенденциям книжника-летописателя, – характерная особенность наших летописных сводов) не дает возможности учесть результаты татарской политики Александра Невского. Быть может, ими объясняется отсутствие иных, кроме одного, приведенного выше, следов татарских десятников, сотников, тысяцких и темников? Вопрос о времени, когда сбор дани и выплата татарского «выхода» ордынским властям перешли в руки князей, неразрешим с достаточной определенностью. Не знаем, в чем состояла «ослаба от насилия татарского» по смерти хана Берке (ум. в 1266 г.), отмеченная в летописных записях (ПСРЛ. Т. X. С. 145). С. М. Соловьев отметил, что после 1269 г. (когда упомянут Амага, великий баскак Владимирский) нет больше помина о баскаках; что после переписи 1275 г. – «не упоминается больше о перечислении – ясный знак, что ханы, по разным причинам, начали оказывать доверенность князьям и что последние взяли на себя доставку дани в Орду», что князь Андрей Александрович обвинял перед ханом брата, великого князя Дмитрия, в уклонении от уплаты дани. Соловьев говорит об «удалении баскаков, численников и сборщиков дани» без возможности датировать и различить моменты этого освобождения Руси от постоянного и непосредственного воздействия ордынских властей. Однако *terminus post quem* для этого процесса – время Александра Невского. Надо признать, что активная роль княжеской власти в удовлетворении татарских требований и постепенное вытеснение прямых агентов власти хана с Руси начались с его времени (см. Соловьев С. М. История России. Кн. I. С. 1158). Русская письменность сохранила память об Александре Невском как о «хранителе и заступнике» Русской земли (Мансикка В. Й. Житие Александра Невского. С. 101).

¹³³ Новгородская I летопись. С. 274, 277 и 281; ПСРЛ. Т. V. С. 190; Т. VII. С. 163.

разбито единство ростовской отчины¹³⁴. Князь Глеб участвует во всех ростовских делах нераздельно с братом, и только после его смерти (на Ростовском княжении) настанет выделение Белозерского княжества из Ростовского в особую отчину Глебовичей, не без борьбы, однако, с Борисовичами, стоявшими за единство владения ею. Ростовские Васильковичи при великом князе Александре Ярославиче всецело его подручники. Они, видимо, сразу примкнули к его политике. Князь Борис был в Орде, когда там разыгралось трагическое дело Михаила Всеволодовича Черниговского, и вместе со своими боярами уговаривал Михаила «сотворить волю цареву». Глеб Василькович был первым из русских князей, который «оженится в Орде»¹³⁵. Есть указания на особо близкие отношения Александра Невского к Васильковичам: с князем Борисом он посылает дары Улавчию, ордынскому временщику при хане Берке¹³⁶; в Ростов едет из Новгорода, уладив тамошнюю смуту, поделиться успехом с епископом Кириллом и ростовскими князьями¹³⁷.

Великий князь играет первую роль в делах Ростовской епископии¹³⁸. Ростовское княжество – лишь особый элемент в составе владимирского великого княжения.

Судьба Ярославля, который также входил в состав ростовской отчины Константиновичей и выпал на долю Всеволода Константиновича, а после его гибели в татарское лихолетье перешел к Всеволодичу Василию, сложилась весьма своеобразно в момент кончины этого князя, при владимирском княжении Андрея Ярославича¹³⁹. Василий Всеволодович умер в 1249 г.,

¹³⁴ Никоновская летопись разделяет Ростовское и Белозерское княжение с 1238 г., переделав запись своего источника: «А в Ростове седоста Васильковичи Борис да Глеб на княжение» (см. ПСРЛ. Т. IV. С. 34) в такую формулу: «А князь Борис Василькович сяде в Ростове, внук Константинов, правнук Всеволож, праправнук Юрья Долгорукаго, преправнук Владимира Маномаха, прашур Всеволож, прапрашур Ярославль, преправшур великого Владимира, а брат его князь Глеб Василькович сяде на Беле езере» (ПСРЛ. Т. X. С. 113). Книжник, ее составитель, не согласовал этого с сохраненным и в его труде известием 1251 г.: «Князь Глеб Василькович [внук Константинов, правнук Всеволож, преправнук Юрья Долгорукаго] иде на Белоозеро, в свою отчину» (Там же. С. 138; ср. Лаврентьевская летопись. С. 449; Т. VII. С. 159). А. В. Экземплярский полагает, что Белозерский «удел мог существовать даже ранее 1251 г., хотя Глеб и жил пока в Ростове» (Указ. соч. Т. II. С. 155, примеч. 455); понимать это надо так, что, возможно, предназначение князю Глебу Белозерского княжения – по «ряду» отца, если он успел его сделать, или по «уряженью» князей – родичей с великим князем относительно малолетних ростовских князей, когда они «посажены» на Ростовское княжение.

¹³⁵ Лаврентьевская летопись. С. 451. Перед тем Глеб ездил в Монголию к великому хану. В 1276 г. братья ходили в Орду с другими князьями по зову хана Менгу-Темур в поход против Ясов. Борис умер в Орде перед походом, а Глеб вернулся на Ростовское княжение.

¹³⁶ Лаврентьевская летопись. С. 451: в 1256 г. «князь Борис поеха в Татары, а Олександр князь послал дары; Борис же быв у Улавчия, дары дав и приеха в свою отчину с честью». Никоновская поняла по-своему: «Князь же Борис Василькович Ростовский иде в Татары со многими дары; также и Александр Ярославич посла послы своя в Татары со многими дары» (ПСРЛ. Т. X. С. 140–141).

¹³⁷ Лаврентьевская летопись. С. 452. Возможно, что великий князь Александр нашел опору своей политики в духовенстве. Митрополит Кирилл, ставленник Даниила Галицкого, был, по-видимому, посредником в сношениях своего князя с Андреем Ярославичем, но затем остается в течение ряда лет на севере. В решительный момент – 1251 г. – оба Кирилла, митрополит и епископ Ростовский, ездил к Александру в Новгород, а затем митрополит встречает Александра «со кресты у Золотых ворот» во Владимире, когда тот вернулся из Орды ханским ставленником на великое княжение, и участвует в обряде посажения. Упоминается он во Владимире и в 1255 г., а в 1256 г. сопровождает Александра в Новгород (ПСРЛ. Т. VII. Т. 161; впрочем, известие это весьма сомнительно и не подтверждается другими летописями). Предположение Голубинского, что митрополит Кирилл, быть может, «после 1252-го и 1256 гг. не уходил из Северной Руси и провел в ней сподряд все время с 1250-го по 1263 г.» (История Русской церкви. Т. II. С. 57), – вероятно, тем более что в 1261 г. по его благословию решено дело об управлении Ростовской епархией, в 1262 г. состоялось поставление нового ростовского епископа Игнатия, а в 1263 г. митрополит Кирилл совершает обряд погребения тела великого князя Александра. Е. Е. Голубинский указывает и на то, что митрополит Кирилл только в 1274 г. поставил нового епископа во Владимир на место убитого татарами в 1228 г. Митрофана и склонен приписать Кириллу мысль если не о перенесении во Владимир митрополии, то об оставлении Владимирской епархии за митрополитами. На севере должно было состояться поставление епископа Митрофана на новую Саранскую епархию в 1261 г. – быть может, также момент в татарской политике великого князя Александра.

¹³⁸ Так, например, в деле назначения архимандрита Игнатия в помощь престарелому епископу Кириллу (Лаврентьевская летопись. С. 452); по кончине епископа Игнатий стал его преемником.

¹³⁹ Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. II. С. 73–75. В Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. X. С. 153–154) находим любопытную справку по поводу неожиданного появления под 1277 г. ярославского князя Федора Ярославича: «Подобает же о сем ведати како сей глаголется князь Федор Ростиславич Ярославский». Перед нами, очевидно, не воспроизведение какого-либо источника, а сводка сведений и соображений книжника-летописца, источники коих нам неизвестны и не поддаются проверке.

оставив после себя вдову и дочь. Умер он во Владимире, где тогда же находились у князя Андрея – великий князь Александр и ростовские князья. На этом съезде князей и было, по-видимому, решено оставить Ярославль с волостями за вдовой-княгиней Ксенией и ее дочкой Марией Васильевной. Быть может, тогда же намечено было обручение ярославской княжны с Ростиславичем Федором, который княжил на Можайске¹⁴⁰, а благодаря этому браку «достася ему Ярославль». Это событие навсегда вырвало Ярославль из состава ростовской отчины. При великом князе Александре Ярославиче и долго позже – в Ярославле нет местной княжеской власти, которая играла бы более или менее заметную и самостоятельную роль, но нет и основания говорить о выходе Ярославля из прямой связи с великокняжеской властью¹⁴¹.

В Угличе сидят третъестепенными князьями сыновья Владимира Константиновича, на которых и угасла эта линия ростовских князей¹⁴².

Владельческое положение самого Александра Ярославича и его братьев было определено предсмертным рядом их отца: Святослав Всеволодович, заняв великое княжение, «сыновци свои посади по городом, якоже бе им отец урядил Ярослав»¹⁴³. Мы не знаем содержания этого Ярославова уряженья, но предполагаем, что с ним совпадает распределение владений между Ярославичами при великом князе Ярославе, и позднее Александр на великом княжении сохраняет свое вотчинное отношение к Переяславлю, которое переходит и на его старшего сына, а на Переяславле он княжил еще при жизни отца. Есть основание признать, что Андрею Ярославичу назначены по «ряду» его отца – Городец Поволжский и Нижний Новгород¹⁴⁴; в 1256 г.

Приемлемыми их можно считать только потому, что ничто в других источниках им не противоречит, а они пополняют пробел в истории Ярославского княжества. Предположительно можно источником этой «справки» считать данные о родословии ярославских князей, собранные в пору составления Никоновской летописи для Государева Родословца. Эта «справка» была, впрочем, известна и составителям Воскресенской летописи, которая дает краткую выписку (т. VII, с. 173) из ее редакции, еще не стилизованной в манере Никоновской летописи.

¹⁴⁰ Этот брак, видимо, связан с западнорусскими отношениями ростовских князей. Василько Константинович был женат на дочери черниговского князя Михаила Всеволодовича; Всеволод Константинович женился в 1227 г. на дочери Олега Святославовича, по-видимому князя Курского (ПСРЛ. Т. VII. С. 134; Т. X. С. 94; на с. 157 Никоновская летопись сообщает ее имя – Марина); Всеволодова княгиня надолго пережила мужа (скончалась, по Никоновской летописи, в 1279 г.) и могла играть роль в этом деле. Обручение малолетней четы (Марии было, по весьма вероятному расчету Экземплярского, года четыре, так как ее отец умер 20 лет, едва ли более, от роду; Федор Ростиславич до 1276 г. не выступает в летописных известиях, что дает некоторое основание считать его весьма юным; умер он в 1299 г.) фактически имело, а могло иметь и в намерениях старших князей, политическое значение, быть может, в связи с замыслами князя Андрея Ярославича, который искал объединения русских сил против татар. Вокняжение в Ярославле можайского отчича приводило Можайск в связь с великим княжением Владимирским, а с 1279 или 1280 г. Федор, хоть ненадолго, владел в Смоленском, оставаясь, однако, деятельным участником владими́ро-суздальской политической жизни. Связи Федора Ростиславича с обеими половинами Руси закреплены и замужеством его дочерей: одну он выдал за галицкого князя (Давида Константиновича), а другую – за белозерского (Михаила Глебовича).

¹⁴¹ Долгая пассивность князя Федора Ярославича объясняется не только его юностью, но и для дальнейших лет тягостным семейным положением. Его житие, какое составил инок Антоний по поручению великого князя Ивана III и митрополита Филиппа, использовало, по всей видимости, семейные предания ярославских князей; по его рассказу, князь Федор был надолго задержан в Орде, а по смерти жены не мог вернуться в Ярославль, отвергнутый тещей и боярами, которые стали править именем его сына Михаила. Князь Федор вернулся в Орду, где пробыл несколько лет; тут он женился на ханской дочери (во крещении Анне), тут родились два его сына (Давид и Константин); только по смерти сына Михаила (попытка Экземплярского установить дату этой смерти дает 1289 или 1290 г. – т. II, с. 79–80) Федор занял стол ярославского княжения с татарской помощью. См. житие в «Великих Минеях Четьих» под 19 сентября и в Степенной книге (ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 1. С. 307).

¹⁴² Летописи отметили только даты кончины Андрея (1261) и Романа (1283 или 1285) Владимировичей (Лаврентьевская летопись. С. 452 и 458; ПСРЛ. Т. VII. С. 162 и 178).

¹⁴³ Лаврентьевская летопись. С. 448.

¹⁴⁴ Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. VII. С. 160) замечает при сообщении о бегстве Андрея в 1252 г. из Русской земли, что он, пробыв несколько времени в Швеции, «прииде в свою отчину»; под 1256 г. находим в Лаврентьевской летописи (с. 451) странную запись: «поехаша князи на Городец да в Новгород», и тогда же великий князь Александр послал Бориса Ростовского уболаготворять ордынца Улавчия дарами; и то же повторяет Никоновская летопись, без комментария, но два ее списка дают чтение «князь» (сохраняя, однако, «поехаша», т. X, с. 140). С 1257 г. князь Андрей появляется в ряду русских князей, едет в Орду с великим князем Александром и другими. Никоновская летопись впрямь зовет его Суздальским и, по-видимому, права в своем заключении, хотя сама же спутала генеалогию суздальских князей (быть может, следуя родословной передержке князей Шуйских; весь спор об их происхождении от Андрея Ярославича или от Андрея Александровича, сына Невского, считаю разрешенным возражениями А. В. Экземплярского против С. М. Соловьева, см. Великие и удельные князья Северной Руси. Т. II. С. 388); поводом к этой путанице послужили судьбы Суздаля, Городца и Нижнего после смерти

сюда он вернулся, как «в свою отчину», а в следующем получил ханское пожалование, стоившее великому князю Александру немалых даров ордынцу Улавчию и самому хану. Притом соглашение с братом придало к его владениям еще Суздаль. Князь Андрей не играл при брате сколько-нибудь самостоятельной роли, ездил с ним в Орду и в Новгород, исчезая в среде окружающих великого князя Александра князей; он пережил брата лишь на несколько месяцев. То же самое можно сказать и о третьем Ярославиче – Ярославе. После бурных событий начала 50-х гг. XIII в. Ярослав княжит спокойно в Твери, едет в 1258 г. с Александром в Орду, идет в 1262 г. от него в поход на немцев¹⁴⁵. На Костроме сидел Василий Ярославич, которому в год кончины великого князя Александра лишь исполнилось 22 года; на княжение в Галиче мерянском умер в 1255 г. Константин Ярославич, ездивший от великого князя Ярослава Всеволодовича к великому хану в Монголию, а после него – его сын Давыд, о котором только и знаем, что скончался он в 1280 г., причем летопись называет его князем Галичским и Дмитровским¹⁴⁶.

Существование всех этих княжеских владений по-прежнему не говорит еще о подлинном политическом распаде Владимирского великого княжества. Великий князь Владимирский в эпоху Александра Ярославича Невского единый и бесспорный представитель всей Северной Руси перед ордынской властью, защитник всех ее областей перед напором западных врагов, распорядитель всех ее боевых сил. Но на отдельных «волостях» великого княжества «княжат и владеют» местные князья, которые имеют на то право, не зависящее от воли великого князя, то «семейно-вотчинное» право, которое издревле составляло основной элемент «княжого права в Древней Руси». Это право вотчинное, наследственное, приобретено, в принципе, самим рождением и семейное, так как его существо в праве всех сыновей владетельного князя на отцовское наследие – общую этим сыновьям «отчину». Реализуется оно либо согласно «ряду» отцу, который определяет, какую именно долю получит каждый из сыновей, либо – особенно для сыновей, малолетних в момент отцовской кончины, их наделением по воле дяди или старшего брата, которому они отцом «приказаны» или даны «на руки». Доли князей наследников в общей их отчине будут позднее называться «уделами» (XIII в. этого термина еще не знает), князья станут говорить о долях своих, как об «уделах вотчины своей», но для данного времени ни в терминологии, ни в существе владельческих отношений князей не видно ничего принципиально нового сравнительно с основами «княжого права» в Киевской Руси. Вотчинные тенденции княжого владения еще слишком подчинены силе политического единства Великороссии, которое имело опору во власти владимирского великого князя, чтобы могла развиться на их основе определенно иная система отношений. Время великого князя Александра Ярославича напоминает, однако, тот момент в истории Киевской Руси, когда во главе ее стояли Владимир Мономах и сын его Мстислав. При значительной силе объединяющей великокняжеской власти, во внутреннем строе земли уже закреплены основы владельческого обособления сложившихся местных вотчинных княжений. Ростовские владения Константиновичей

Андрея Ярославича. По-видимому, запись под 1256 г. надо действительно понять как известие о приезде Андрея на Городец и Нижний, что Воскресенская летопись и называет его возвращением «в свою отчину» (так понял и В. Н. Татищев: т. IV, с. 27). О кончине его и погребении Воскресенская летопись обобщает: «Преставися князь Андрей Ярославич суждальский, положен бысть в Суждали» (1263; т. VII, с. 164). Родословные материалы Никоновской летописи определенно указывали на происхождение суздальских князей от Андрея Ярославича (см. ПСРЛ. Т. X. С. 144), но под 1365 она дает иную, противоречащую этим материалам, генеалогическую справку (Т. XI. С. 4), руководясь ею и в других «поправках» (например, Т. X. С. 176). Предположение А. В. Экземплярского (Указ. соч. Т. II. С. 387), что князь Андрей Ярославич получил Суздаль вместе с Городцом и Нижним в 1247 г. от дяди Святослава Всеволодовича (стало быть, по «ряду» отца), не вяжется с позднейшими судьбами этих владений, как их сам Экземплярский излагает; не согласованы и указания о том, что произошло по смерти Андрея Ярославича. Причина всей этой путаницы, кроме редакционной работы книжника – составителя Никоновской летописи, не сумевшего преодолеть противоречия своих генеалогических материалов, также в необоснованном представлении, будто исконна связь Городца и Нижнего с Суздалем, как «пригородов» с главным, старейшим городом. \\\У Татищева находим (т. IV, с. 27) любопытное замечание, что Александр Невский, по возвращении Андрея Ярославича «из Немец», «хотяше ему Суздаль дати, но не смеяше Царя».

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. VII. С. 163.

¹⁴⁶ Там же. С. 174.

признаны особой наследственной владельческой единицей; определились вотчинные владения для всех князей – Ярославичей и их потомства. И сам великий князь Александр вотчич на Переяславле-Залесском, который один только и составляет отчину, в строгом смысле слова, его сыновей. Великокняжеская власть еще лишена надлежащей территориальной базы, ее главенство – чисто политическое, и в этом причина ее слабости и упадка. Внутренние силы страны организованы вне ее прямого воздействия по поместным княжествам и легко могут стать из опоры общей политики великорусских князей под главенством владимирского великого князя – фактором разрушения этого главенства и всего объединения, в условиях внутренней борьбы. По этому разрушительному пути и пойдет история Владимирского великого княжества после кончины великого князя Александра Ярославича. Давление татарского владычества, установившееся при его правлении с таким напряжением внутренних отношений Руси, несомненно, сыграло крупную роль в развитии упадка великокняжеской власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.